

A woman with blonde hair in a braid, wearing a medieval-style dress with a white blouse and a brown corset, stands in a village square. In the background, there is a half-timbered house with a tiled roof and a stone chimney. To the left, an apple tree is laden with red apples, and several wooden barrels are visible. A tabby cat is standing on a stone path, reaching towards a wicker basket filled with bread. To the right, a basket of apples sits on the ground. The scene is set in a bright, sunny environment with a blue sky and white clouds.

Юлия Ханевская

Родом Мэлори

Мама, ты справишься!

ИДДК

Юлия Ханевская

**Дом Мэлори. Мама,
ты справишься!**

«ИДДК»

2025

Ханевская Ю. С.

Дом Мэлори. Мама, ты справишься! / Ю. С. Ханевская —
«ИДДК», 2025

"Дом Мэлори. Мама, ты справишься!" – роман Юлии Ханевской, жанр бытовое фэнтези, любовное фэнтези, попаданцы в другие миры. Закончив свой земной путь, я попала в далекое прошлое. Тяжелое время, незнакомый мир, чужое тело. Теперь у меня обветшалый нищий дом без каких-либо удобств, клочок поросшей сорняками земли и запущенный сад. А еще, жестокий, творящий жуткие вещи муж, и его грязные несчастные дети от предыдущих браков. Все это мелочи, главное, что жива и могу начать все с начала, ведь так? Ох, если бы... **ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ СЦЕНЫ РАСПИТИЯ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ. ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ.**

© Ханевская Ю. С., 2025

© ИДДК, 2025

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Юлия Ханевская

Дом Мэлори. Мама, ты справишься!

© Ханевская Юлия

© ИДДК

Глава 1

Вонь стояла невыносимая.

Смесь немытого тела, мочи и еще чего-то неопределимо гнилостного. Я с трудом сдержала рвотный позыв и торопливо зажала рот ладонью. Откуда эти жуткие запахи в моей проветренной на ночь спальне? Максимум, что могла бы унюхать с утра, так это остаточные пары пустырника и валерианы, которыми пыталась успокоиться накануне. У моего младшего сына родился первенец, а я узнала об этом от соседки Людки... Ее дочь общалась с моей невесткой. А мой ребенок не удосужился даже позвонить. В последние годы я вообще была лишней в жизни всех своих детей.

Так, не отвлекаться. Запахи. Откуда у меня в квартире эта тошнотворная вонь?

Веки слушались почему-то с большим трудом. Казалось, ресницы плотно спутались и не давали разлепить тонкую кожу. Двинув ладонью по лицу, я растерла глаза и только потом, щурясь, приоткрыла их.

Откуда-то справа падал тусклый свет.

Я повернула голову, концентрируя взгляд на огоньке масляной лампы. Стекло ее было запачкано разводами сажи, а кривая ручка выглядела грязной и липкой. Нахмурившись, я пыталась сообразить, имелась ли в моем хозяйстве такая древняя вещь.

Тут слева раздался трубный звук, напугавший меня до чертиков. Дернувшись, я моментально скатилась с матраса, задней мыслью отмечая, что далось это слишком легко. Ни болей в позвоночнике, ни тяжести в изъеденных артритом суставах рук и ног. Но это все там, на задворках сознания, всем моим вниманием сейчас завладел тот, кто лежал на второй половине кровати.

Да и кровать ли это?..

Топчан с грязным вонючим матрасом, набитым соломой. Осознав, что именно от него так неимоверно несет, я отшатнулась, шлепнувшись на пятую точку. Нежная кожа филея познала грубость неровных деревянных досок, и я досадливо зашипела. Перевернувшись, опираясь на колени, и только потом встала.

Теперь мне открылся полный вид на спальню.

Это определено была не моя комната! Единственное окошко слишком высоко и настолько маленькое, что через него вряд ли можно что-либо разглядеть. Бревенчатые стены, кривой голый пол, абы как сбитая дверь, подобная тем, что устанавливали в каких-нибудь сараях.

Сердце зашло в бешеном ритме, и я по привычке схватилась за грудь... которая уменьшилась раза в три!

– Господи, что же это такое?.. – вырвалось у меня.

Я застыла как громом пораженная. Голос был тоже не мой. Высокий, мелодичный, девичий. Так я говорила лет эдак пятьдесят назад. Вытянув руки перед собой, я увидела изменения и в них. Тонкие запястья, длинные ровные пальчики, гладкая кожа. Правда, есть цыпки на тыльной стороне ладоней да несколько старых порезов. Поднеся руки ближе к лицу, увидела довольно неухоженные ногти с полосками грязи под ними.

Отдышавшись от первого шока, я принялась осматривать себя дальше.

У меня были русые волосы, тяжелой густой волной ниспадающие до самой талии и длинные ноги с худыми бедрами. Маленькая аккуратная грудь и слегка выпирающие ребра. На коже по всему телу виднелись синяки, как от чужих пальцев, и внутренние кровоподтеки. От этого зрелища пробежал мороз по позвоночнику.

Взгляд сам по себе прильнул к кровати, к горе на ней под замызанной простыней.

Гора размеренно поднималась и опускалась, выпуская на волю трубный храп.

Мужик был вдвое, если не втрое, больше меня.

Кто этот храпящий детина? Где я вообще? В голове мелькали обрывки фраз, странные имена, смутные образы, но ничего конкретного. Я осторожно двинулась через комнату, на цыпочках подходя ближе к человеку.

Комната была темной, освещалась лишь слабым светом луны, пробивавшимся сквозь загаженное мухами окно, да тусклым мерцанием лампы. Кроме топчана, покосившегося деревянного стола и большого сундука у стены, ничего здесь больше не было из мебели.

Подойдя на достаточное расстояние, чтобы можно было рассмотреть спящего, я остановилась. Мужик имел по меньшей мере двадцать лишних килограммов, густую черную бороду с усами и сбитые в колтуны замасленные волосы. Кустистые брови, практически сросшиеся на переносице, придавали ему недовольный вид даже во сне. Силясь определить его возраст, я так и не смогла этого сделать. До сорока где-то, наверное.

Резкая боль пронзила голову. Воспоминания, чужие и яркие, хлынули в сознание.

Я – Мэлори Бут, дочь местного мельника, насильно выданная замуж за угрюмого кузнеца. После свадьбы прошло полтора месяца, как отец мой скончался. Соседские бабы судачили, мол, как удачно старый Джек единственную кровиночку пристроил! Третьей жинкой мастера на все руки – Ромула Шестипалого. Мастерство, правда, он свое лет эдак десять назад как окончательно пропил и теперь зарабатывал на жизнь слишком уж редкими заказами. Деньги в основном таяли на дне бутылки. На содержание молодой жены да двух детей оставались совсем крохи.

Господи, тут еще и дети!

Страх и растерянность охватили меня с головой.

Как я, интеллигентная пенсионерка, буду жить в этом диком мире, полном жестокости и предрассудков? Как я буду делить ложе с этим страшным мужчиной? На что растить и воспитывать чужих детей?

Но вместе со страхом поднималось и любопытство, и едва уловимый трепет надежды. Судьба дала мне второй шанс. Шанс прожить жизнь заново, полную приключений и, возможно, счастья. Не может быть так, что она жестоко посмеялась, определив меня в тело этой несчастной!

Едва ощущая под собой ноги, я обошла топчан и аккуратно села. Только сейчас осознала, что абсолютно голая. Стало мерзко от ощущения грязного, набитого соломой матраса под обнаженной кожей. Брезгливо передернув плечами, я все же заставила себя медленно лечь на спину, сложить руки на животе и зажмуриться.

Нет, я не умерла и не очутилась в этом забытом богом месте, мне просто снится кошмар. Очень реалистичный, полный мерзотных запахов и трубящих звуков мужского храпа.

Я лежала так очень долго, пока где-то вдалеке не прокричал одинокий петух. Через короткое время ему вторили собратья.

Чужая, страшная и неприветливая реальность никуда не уходила.

Распахнув болевшие от напряжения веки, я уставилась на деревянные балки потолка.

Ну вот и все, Лариса Петровна, приехали... Твоя остановка – темное средневековое незнамо в каком мире, под боком воняющего застарелым потом, мочой и алкоголем мужика, который, ко всему прочему, тебя еще и мутузит.

Упомянутый всеу зашевелился, перекатился на другой бок и тяжело вздохнул, обдав мою щеку смрадным дыханием. Содрогнувшись всем телом, я резко села, спуская ноги с кровати.

– Куды эт ты, Лорка? – вдруг пробасил хриплый голос. – А ублажать мужа с утрца кто будет? Подползай давай... Дай телеса твои пощупать.

Предплечье грубо ухватили и дернули. Мое хилое тело рухнуло на спину поперек топчана.

Боже, что же делать? В эти мрачные времена жена едва ли имела право на отказ супругу... Да и вообще, несчастные женщины были бесправны, словно тени. А судя по состоянию бедняжки, в которую попала моя душа, она вообще вряд ли была способна сопротивляться, так что любое действие в этом направлении будет выглядеть максимально странно и подозрительно.

Все происходящее казалось кошмарной фантаσμαгорией, и я оцепенела от ужаса.

Вонючий мужлан, словно хищник, набросился на меня, принявшись неуклюже рыться под просторной рубахой, тщетно пытаясь нащупать под грузным животом причину своего вождения. И тут мой организм спас ситуацию.

Меня скрутило от тошноты.

Я едва успела отвернуться, чтобы не запачкать себя рвотой.

– Да ты что, ошалела, непутевая! – взревел супруг, отскакивая с неожиданной ловкостью.

Меня выворачивало наизнанку горькой водой, словно я не ела целую вечность. Мысль о еде вызвала новую волну тошноты, и меня снова вырвало. Запахи гнили, антисанитария, угроза неведомых болезней... Кажется, я собрала комбо.

Мужик с отвращением сплюнул прямо на пол и, тяжело ступая, направился к двери.

– Выпороть бы тебя, да некогда. Убери тут все и бегом жрать готовь. Петухи уже горланят вовсю, мелкотню да скотину кормить давно пора.

Еще несколько минут мое несчастное тело буквально выворачивалось наизнанку. Изнеможенная, я откинулась на спину и простионала. Потом спохватилась и торопливо сползла с топчана.

Со взявшейся из ниоткуда силой я стянула вонючий мешок, набитый соломой, на пол. Поднатужилась и потащила его к двери. О, если бы только могла, развела бы огонь прямо здесь, посреди убогой спальни! Но после подобной дерзости меня, скорее всего, ждала бы незавидная участь. Могли высечь плетью до полусмерти, а могли и вовсе в ведьмы записать, отправив прямиком на костер.

Я замерла, на миг всерьез задумавшись о зловещем пламени инквизиции. Но тут же резкомотнула головой, отгоняя мрачные мысли. Какой бы тяжелой ни казалась жизнь, она, несомненно, предпочтительнее смерти. Да, не судьба мне стать княжной, жить в роскошных хоромах и выйти замуж за благородного красавца, но кто знает, как еще повернется колесо Фортуны?

Раз уж Всевышний уготовил мне такие испытания, значит, я должна найти в себе волю, чтобы их преодолеть.

Эта мысль, словно луч света, пронзила тьму отчаяния и придала мне новых сил.

Оглядевшись, я заметила в углу покосившееся деревянное ведро, а рядом – грубый глиняный кувшин. Подойдя ближе, стала внимательно разглядывать их. Очевидно, здесь умывались и мыли руки... очень и очень давно. Содержимое ведра источало тошнотворный запах застоялой воды. Подняв кувшин, я заглянула внутрь. Жидкости оставалось чуть меньше половины.

Что ж, пора привести себя в более-менее опрятный вид, а затем оценить масштабы катастрофы. Выяснить, что это за дом, где и в каком состоянии дети, сколько скота в хозяйстве.

Склонившись над ведром, я аккуратно налила из кувшина в ладонь воды, а затем тщательно умылась. Прополоскала рот, обтерла шею и грудь. Попыталась вычистить грязь из-под ногтей, но это не особо получилось. На дне оставалось немного, когда я поднесла горлышко ко рту и сделала маленький пробный глоток.

Господи, какая же это была вкусная вода!

Остальное я выпила с жадностью и наслаждением. Пустой желудок, получивший в себя хоть что-то, протяжно заурчал.

Я двинулась к сундуку. Именно там должны храниться вещи.

Когда открыла крышку, в дверь вдруг громко стукнули и недовольный голос Ромула проорал:

– Лорка, ленивая ты девка, сколько тебя ждать?!

– Уже иду! – мигом отозвалась я.

Он что-то пробурчал в ответ, а затем раздались удаляющиеся шаги.

Вопрос «А по любви ли этот брак?» исчез сам собой. Жену тошнило, а он даже бровью не повел, бессердечная скотина.

В сундуке действительно обнаружилась одежда. Никакого нижнего белья, естественно. Старые залатанные юбки, застиранные рубахи, длинные сорочки, два платья по типу сарафана – под них наверняка требуется надевать что-то еще. И ни одной теплой вещи, что странно. Может, они хранятся где-то в другом месте?

Выбрав коричневую юбку с оборками по краю и бывшую когда-то белой рубаху, я оделась. Рядом с сундуком валялись бесформенные кожаные башмаки, которые больше походили на галоши, нежели на какую-то более-менее приличную обувь. За неимением альтернативы обула их.

Одежда сидела мешковато, рубаха оказалась велика в плечах, а юбка, наоборот, немного жала в талии. Ткань грубая, колючая, явно не баловали себя тут тонкими материями. Запах от вещей шел затхлый, словно они пролежали нестираными в сундуке не один год.

Недалеко от сундука в углу обнаружилось небольшое зеркало. Оно было прибито к стене, и от места входа гвоздя шла длинная трещина. Стекло было мутное, засиженное мухами. Смотреться в такое зеркало могло бы стать плохой приметой, но хуже, чем есть, все равно уже не будет. Да и узнать, как выгляжу, очень хотелось.

Светом спальня все еще не сильно разжилась, но того, что было, вполне достаточно.

Пройдя в угол, я посмотрела на свое отражение.

Сердце защемило от жалости к этой девочке. Она глядела на меня из глубины старого зеркала выцветшими серыми глазами. Осунувшееся бледное лицо украшал внушительный синяк на правой скуле. Губы, четко очерченные, пухлые, сейчас были самым красивым элементом во всей этой картинке. Волосы, жирные у корней и спутанные после беспокойной ночи, торчали в разные стороны, напоминая воронье гнездо.

Если бы я встретила такую девушку на улице, посчитала бы, что она совершенно точно из неблагополучной семьи, да к тому же тяжело больна.

Ничего удивительного. Скорее всего, сегодня ночью Мэлори Бут умерла. От болезни или после побоев мужа – сейчас уже не имело значения. Теперь это тело передали мне, и только от меня зависит его дальнейшая судьба.

Собрав в кулак всю свою волю, я приказала себе не плакать. Не время сейчас и не место.

Я должна была сосредоточиться. В зеркале на меня смотрела новая я. Мэлори Бут, версия 2.0. Только эта версия должна выжить.

Кивнув своим мыслям, я несколько раз глубоко вдохнула через рот и медленно выдохнула носом. Только так можно было немного отвлечься от стоявшего вокруг смрада. Найдя в старом сундуке гребень, я пригладила спутанные волосы, заплела их в тугую косу и перехватила ее грубым шнурком, валявшимся тут же. Затем, развернувшись, с твердой решимостью направилась к выходу. Мешок с соломой, служивший подобием матраса, оставила пока на месте. Вернусь к нему позже, когда муж отлучится. А сейчас – осмотреть дом да накормить детей.

Глава 2

У Ромула было двое сыновей: мальчишки лет пяти и семи. Их имена, словно эхо из забытого прошлого, прозвучали в моей памяти, едва я увидела их. Младшего звали Мэтти, старшего – Итан. Оба хмурые, чумадые, до костей худые и неприлично грубые! Приемную мать эти ребята воспринимали примерно так же, как их отец: служанкой, низшим существом. Мое сердце болезненно сжалось, когда я впервые их увидела – тощих воробышков со взрослыми глазами. А потом в ужасе застыло, когда старший открыл рот.

– Ну че, когда жрачка будет? Батка ушел по делам несолоно хлебавши, пока ты дрыхла! Шевели лапками, сонная тетеря!

Я опешила настолько, что смогла лишь обвести взглядом подобие кухни и молча направиться к массивной глиняной печи. Огонь в ней давно потух, а внутри обнаружился котелок. Подняв закопченную крышку, я обнаружила на дне остатки вчерашней каши. Разложив предполагаемую пшенку в две деревянные плоскости, поставила завтрак перед детьми. Мэтти, не глядя на меня, сразу же вцепился в ложку, а Итан, сморщив нос, брезгливо понюхал содержимое своей тарелки и лишь после этого принялся есть.

Я пребывала в каком-то ступоре, наблюдая за этими детьми. А когда они в пару секунд умяли скудную еду и, оставив на столе посуду, убежали на улицу, я тихонько присела на освободившийся табурет и расплакалась.

Именно это стало той последней каплей для моего самообладания.

Не жуткий муж, не условия жизни, не состояние собственного тела. А именно двое мальчишек, походивших на диких зверят.

Слезы высвободили копившееся во мне напряжение, и на душе стало чуточку легче. Ромул действительно куда-то ушел, а у меня появилась возможность осмотреться.

Дом оказался на удивление неплохим – крепкий сруб в два этажа. Весь верхний этаж занимала одна большая спальня. Внизу же находилась комната мальчишек, кухня-варочная и небольшая прихожая. Только все это запущенное до ужаса, пропитанное отвратительными для моего обоняния запахами и скудно обставленное.

Кстати, в эти времена такие хоромы крестьянам только снились, и каким образом мой супруг оказался их владельцем – оставалось загадкой. Я машинально поставила себе галочку, чтобы непременно разузнать это как-нибудь потом.

Здесь буквально каждый угол требовал генеральной уборки и желательно дезинфекции. Растерявшись, я не знала, за что схватиться в первую очередь. Все же внезапная тяга к чистоте будет выглядеть подозрительно.

Правильнее, наверное, начать с кухни. Перемыть посуду, провести ревизию запасов и приготовить обед. А еще... вытащить из спальни этот проклятый матрас. Чтобы что? Я не знала. Единственным желанием было – предать его огню! Но, обуздав первый порыв, я поняла, что горячиться нельзя. Нужно осмотреться, понять, как тут все устроено, что будет позволительно, а что прежняя Мэлори ни за что бы не сделала. Поэтому, немного подумав, я решила хотя бы вынести на воздух этот соломенный мешок да попытаться очистить его от следов утреннего кошмара.

Воды в доме не было, ее носили из ближайшего колодца. Знать бы только, где тот находится... В углу варочной я нашла два старых ведра с веревочными ручками. Взяв их, вышла во двор.

По коже пробежали мурашки от контраста запахов.

Весенний воздух обдал утренней свежестью. Я вдохнула полной грудью, наслаждаясь отсутствием той тошнотворной вони, что осталась в доме за моей спиной.

Куры сновали по двору, у протоптанной тропинки, что вилась за покосившийся забор, росла одинокая яблоня, а чуть поодаль – старые деревянные постройки. В тот самый миг, когда взгляд мой упал на них, из крайнего сарая вынырнула темноволосая макушка младшего сына. Он что-то бережно нес, прижимая к груди обеими руками. С удивлением я заметила, как мальчик направляется ко мне. Остановившись, Мэтти вытянул ладони, демонстрируя четыре кремовых куриных яйца.

– Ты проверил курятник? – констатировала я очевидное.

Он безмолвно кивнул и двинулся к дому. Я проводила его взглядом, ощущая странную тяжесть в груди.

– Мэтти? – окликнула, пока он не скрылся за порогом.

Мальчик обернулся.

– Воды нужно принести. Пойдешь со мной к колодцу?

Миг тишины, словно он взвешивал мое предложение, и снова кивок. Повторно продемонстрировав свою ношу, он на мгновение исчез в доме, а затем вернулся уже с пустыми руками. Засунув их в карманы коротких пыльных штанишек, он зашагал по тропе, петляющей за забор.

Опомнившись, я поспешила следом.

– А где твой брат? – попыталась завязать разговор.

Мэтти бросил на меня быстрый взгляд и указал пальцем в сторону видневшихся вдалеке домов.

– Он побежал к другу? К соседям? Отправился помогать отцу? – гадала я, перебирая варианты.

В ответ он посмотрел на меня так, будто я сошла с ума. В его взгляде читалось невысказанное: «Ты и без меня должна знать, куда подевался Итан». Ах, если бы память прежней Мэлори обрушилась на меня целиком, а не жалкими, случайными обрывками! Нужно что-то срочно предпринять...

Я опустила ведра на землю, осторожно взяла маленькую шершавую ладошку мальчика в свою и присела на корточки, стараясь быть на одном уровне с его взглядом.

– Вчера ночью я оступилась на лестнице и сильно ударила головой. Теперь некоторые воспоминания... исчезли. Например, я совсем не помню, куда должен был пойти Итан... Ты сможешь мне вернуть потерянные знания?

Чумазое лицо осветила задумчивость. Меня так и подмывало поднять подол и оттереть краем юбки пыльные разводы со лба и щек, но я держала себя в руках. Ничего, у меня еще будет время установить свои порядки, в том числе в вопросах личной гигиены. А сейчас во главе угла другое.

Мэтти наконец кивнул.

– Замечательно! Тогда расскажи, куда делся брат.

Тут он нахмурился, одаривая меня подозрительным взглядом. Затем поднял руку ко рту, коснулся губ, а затем помотал головой.

Тревога зародилась в душе.

– Ты... не умеешь говорить?

Он молчал, упорно глядя мне в глаза, и от этого пронзительного взгляда по коже побежали мурашки. Мэтти глубоко вздохнул, огляделся по сторонам, словно убеждаясь, что мы одни, и медленно, с видимым усилием, открыл рот. Сначала я не поняла, а потом...

Сердце остановилось, в горле образовался болезненный ком, перекрывая дыхание.

У мальчика не было языка.

Вернее, часть этого несчастного органа была зверски отрезана. Рана, судя по неровному виду, была тут же прижжена раскаленным металлом. И случилось это, по всей видимости, совсем недавно...

С трудом сглотнув, я почувствовала, как по щекам скользнули слезы. Торопливо вытерев их тыльной стороной ладони, поднялась на ноги и отвела взгляд в сторону поля, усыпанного весенними цветами. В груди словно образовалась каменная плита, и мне стало трудно дышать. Какое-то время я просто стояла, судорожно открывая и закрывая рот, как рыба, выброшенная на раскаленный солнцем берег. Вопросы, словно разъяренный рой ос, атаковали мое и без того расшатанное сознание.

Кто? Почему? Когда? Откуда такая нечеловеческая жестокость?

Да господи, Мэтти же всего лишь ребенок! Что такое он мог сказать, чтобы заслужить столь жуткое, варварское наказание?

Наверняка тут не обошлось без его мерзкого папаши. Раз он позволял себе поднимать руку на Мэлори, то дети, бесспорно, тоже страдали от его гнева. И еще совершенно не ясно, что стало с предыдущими женами. Живы ли они вообще?

Память, как назло, упорно молчала, а ведь сейчас именно тот момент, когда знание прошлого жизненно необходимо!

Собрав всю волю в кулак, я повернулась обратно к Мэтти. Он стоял, опустив голову, словно чувствовал мое потрясение. Его маленькое тело напряженно сжалось, ожидая явно чего-то нехорошего. Мне захотелось обнять его, прижать к себе и защитить от жестокости и несправедливости этого мира. Но я понимала, что сейчас это будет воспринято неправильно. Ведь прежняя Мэлори знала о травме.

– Мэтти, – тихо позвала я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно и спокойно. – Все хорошо. Я... я забыла, что ты не можешь ответить словами. Бог с ним, с Итаном, пойдем за водой.

Он оживился, с радостью оставляя эту тему позади, схватил одно из ведер и снова зашагал впереди меня.

Тропинка привела нас к полю, с одной стороны обрамленному темной стеной леса, с другой – сонными приземистыми домиками деревушки. Однозначно не город. Ни единой каменной стены. Интересно, как далеко отсюда ближайший замок?

Поле было усеяно первыми весенними цветами – нежными подснежниками и яркими крокусами. Я ожидала, что мы пересечем его, но Мэтти уверенно свернул к деревьям. Вскоре в просвете меж стволов мелькнул и сам колодец. Он ютился на самой границе леса и поля, и это расположение показалось мне странным.

Почерневший сруб, покосившийся ворот, скрипящая цепь со ржавым ведром – все говорило о ветхости и заброшенности. Казалось, достаточно прикоснуться к этой конструкции, и она рухнет в труху. Но когда Мэтти молча принялся опускать ведро, ловко орудуя воротом, ничего подобного не произошло. Звук падающей в глубину емкости вызвал у меня вздох облегчения. Хотя бы с водой проблем не будет.

Эта мысль ужаснула своей обыденностью. Как быстро я начала забывать прелести прошлой жизни! Теперь таскать воду из колодца, находящегося в десяти минутах ходьбы, для меня означало «отсутствие проблем». Того и гляди вонь нынешнего дома станет для меня чем-то само собой разумеющимся!

Когда ведро наполнилось, мальчик с видимым усилием принялся крутить ручку, поднимая тяжелую ношу вверх. Я спохватилась, хотела предложить помощь, но он лишь упрямо мотнул головой, показывая, что справится сам. Наконец, ведро оказалось на поверхности, и Мэтти аккуратно перелил воду во второе, затем повторил процедуру.

С полными ведрами мы двинулись в обратный путь. Груз несла я, тяжело переваливаясь с ноги на ногу. Мэтти попытался забрать одно ведро, но я отказалась. Сейчас мне нужно было почувствовать боль в мышцах, чтобы окончательно убедиться в реальности происходящего. Эта боль, эта тяжесть – они настоящие. Как и изуродованный мальчик, и вонючий дом, и все то безумие, в которое я попала.

Глава 3

До дома мы шли с остановками. Ведра, до краев налитые водой, тянули руки к земле, а веревочные ручки врезались в ладони, оставляя пылающие алые борозды. Осознание того, что этот мучительный путь придется повторить еще не раз, обрушилось на меня у самого порога. Принесенной воды едва хватит, чтобы отмыть въевшуюся грязь с посуды и сварить скудный суп.

Мэтти распахнул передо мной дверь, и я, покачиваясь, внесла ведра в дом. После свежести улицы вонь ударила в нос с новой силой. Опустив ношу на пол, я принялась растирать ноющие запястья и локтевые сгибы, где боль ощущалась особенно остро.

Здесь царил полумрак. Пыль клубилась в лучах солнца, пробивающихся сквозь замызганные стекла единственного в кухне окошка. Я огляделась, стараясь не думать о том, сколько сил потребуется, чтобы привести это место в порядок. Нужно было с чего-то начинать.

«Сначала вода», – подумала я, подталкивая себя к действию.

В углу обнаружилась большая деревянная бочка с ковшом на крышке. Приподняв ее, я заглянула внутрь. На дне оставалось немного жидкости, качество которой вызывало сомнения.

– Мэтти, помоги мне, – позвала я и вручила ему крышку.

Наклонив бочку, я подставила под ее край глиняную чашку и осторожно вылила мутную жижу с осадком. Затем, вернув бочку в прежнее положение, обратилась к мальчику:

– Выплесни-ка это под яблоню, пусть хоть ей будет польза.

Мэтти послушно подхватил чашку и выскользнул во двор. Я же принялась оттирать внутренности бочки тряпкой, смоченной чистой водой из ведра. Работа шла медленно и нудно, но я упорно счищала зеленоватый налет со стенок. Чем чище будет емкость, тем лучше сохранится свежая вода.

Когда бочка была более-менее готова, я отодвинула ее на прежнее место. Навскидку туда поместится шесть или семь ведер. Неплохой будет запас.

Отложив пока эту мысль, я принялась за посуду. Гора немытых мисок и кружек громоздилась на столе, покрытом липким налетом, на полу у печи стоял второй котелок, побольше того, в котором была вчерашняя каша. Ожидаемо он тоже был запачканным. Я засучила рукава, взяла тряпку и принялась отмывать каждую тарелку, каждую ложку. Вода быстро становилась мутной и грязной, и мне приходилось снова и снова менять ее на свежую. За неимением какого-либо моющего средства мытье превратилось в настоящий ад.

Наконец, последняя миска была отмыта и поставлена на просушку на край отчищенного стола. Я окинула взглядом кухню. Без грязной посуды на всех поверхностях стало заметно лучше. Устало выдохнув, я присела на табурет, чтобы передохнуть.

– Мэтти, а где у нас хранятся запасы?

Мой маленький помощник указал пальцем на лестницу. Я недоуменно нахмурилась. На втором этаже была только одна комната. Кстати, о ней! Спohватившись, я вскочила и помчалась вверх. Забытый мешок с соломой, служивший матрасом, все это время «благоухал» там, где я его бросила.

Пройдя в спальню, я заодно распахнула окно, дабы выпустить смрад и впустить хоть капельку свежести. Затем забрала ведро с тухлой водой, которой умывались уже несметное количество дней, а другой рукой схватила суконный бок мешка.

Чудом не растянувшись на лестнице, выволокла вонючую ношу во двор. Ведро опустошила снова под яблоню, а матрас, поднатужившись, закинула на крышу низенького сарая. В нем хранились садовые и огородные инструменты, как я позже проверила.

Вернувшись в дом, я снова обратилась к Мэтти:

– Показывай!

Он понял меня без лишних слов, схватил за руку и потянул к лестнице. Только не к ступеням, а в нишу под ними. Там обнаружилась узкая дверь, за которой было небольшое пространство вроде чулана. На шатких самодельных полках стояли льняные мешки килограмма на два-три каждый, на полу в одном углу – небольшой ящик, наполовину наполненный картошкой, а в другом – жались друг к другу стеклянные банки и бутылки с тонкими длинными горлышками.

Потянувшись к ближайшему мешку, я развязала грубую веревку. Внутри оказалась сухая красная фасоль. В трех других мешках были овсянка, горох и ячмень. Дальше – сушеные дольками яблоки, грибы, собранный прошлым летом чабрец, чей аромат напомнил о прошлой жизни. Наконец, в самом большом мешке я нашла муку – грубого помола, но муку! Значит, можно будет испечь хлеб.

Закончив осмотр полок, присела на корточки, изучая стеклянные емкости. Две банки с кусками сала, густо пересыпанного солью, четыре – с квашеной капустой. В одной бутылки распознала душистое растительное масло. В остальных хранился мутный самогон.

В голове моментально сложилась мрачная картина предстоящих месяцев. Запасы неплохие, но их хватит ненадолго. Для семьи из четырех человек – это не запасы, это жалкий паек, позволяющий лишь отсрочить голод.

Мэтти явно понимал цену каждого мешка, каждой банки, он смотрел на них как на сокровище, а не просто как на еду.

– Так, хорошо, – подытожила я, мысленно прикидывая рацион на ближайшую неделю. – Сегодня у нас будет гороховый суп.

Без морковки и лука ожидалась скорее картофельно-гороховая похлебка, но я решила еще достать кусок сала, чтобы сделать бульон питательнее. Мэтти заметно оживился. Он тут же вызвался помочь и ловко вытащил из ящика несколько картофелин.

Оставшейся воды хватило, только чтобы помыть руки, потому я сходила к колодцу еще раз. Этот поход вытянул последние силы, и на обратном пути меня повело так, что я едва не рухнула вместе с ведрами. Вспомнила, что с самого утра не ела ни крошки, а уже переделала столько дел. Откуда взяться энергии, если питаюсь одним воздухом?

Мысленно отругав себя, я доковыляла до дома, выплеснула одно ведро в бочку, а второе водрузила на табурет. Этого хватит и на готовку, и чтобы отмыть кухонное окно, сквозь которое с трудом пробивается дневной свет.

Пока я ходила, Мэтти успел почистить картошку. Я чмокнула его в макушку и легонько потрепала грязные волосы.

– Надо бы нам с тобой искупаться...

Мальчик вдруг сделал страшные глаза и замотал головой. Я удивилась, нахмурившись.

– Что такое? Тебе разве нравится быть таким грязным?

Глупый вопрос. Вряд ли дети Ромула вообще знают, что такое долгое время оставаться чистыми. Купание раз в месяц, очевидно, было для них нормой.

Не дождавшись ответа, я принялась за готовку.

– Не помню, как было раньше, но теперь банный день будет каждую неделю, а мытье по утрам и мытье самых грязных частей тела перед сном – ежедневно. И неважно, сколько раз мне придется для этого сходить за водой.

Мэтти притих. Он и так не особо шумный, а тут совсем замер, словно слился с табуретом. Я взглянула на него и увидела испуг в глазах. Вздохнула. Ох, нелегко мне придется...

Поставив на стол большой чугунок, я наполнила его до половины колодезной водой, засыпала промытый горох и собралась отправить в печь, но тут вспомнила, что еще ее не растопила. К счастью, в углу нашлись дрова и щепки для розжига. Отыскав спички, совсем не похожие на те, что были у меня в прошлой жизни, я принялась за дело.

Это были лучинки, обмакнутые в серу. Чтобы зажечь их, нужно было поднести к тлеющему труту или угольку. Огонь в печи давно погас, но внутри еще сохранилось тепло. Я взяла кочергу и принялась ворошить золу. Ни единой искорки!

От отчаяния я чуть не расплакалась, но вдруг вспомнила про масляную лампу в спальне. Сбегала за ней и с облегчением увидела слабый огонек. С ним растопить печь было делом времени. Уложила несколько дровин, под них – горсть щепок, а затем подожженную лучинку.

Поленья занялись огнем на удивление быстро. Я подложила еще несколько и кочергой отодвинула костер к задней стенке. Теперь нужно было дожидаться, пока хотя бы часть прогорит, наполнив печь жаром, но есть хотелось так, что в глазах темнело. Поэтому котелок с горюхом отправился к открытому огню.

Понимая, что нормальной еды придется ждать еще долго, я наведалься в кладовку и взяла горсть сушеных яблок. Поделилась с Мэтти, и мы перекусили.

Теперь можно было вдохнуть полной грудью и продолжить колдовать над едой.

Я старательно очистила от соли кусок сала, нарезала его крохотными кусочками и выложила на раскаленную чугунную сковороду. Сало зашкварчало, отдавая прозрачный золотистый жир, который должен был добавить супу хоть немного сытости. Отставив шкварки в сторону, принялась за картофель, превращая его в ровные кубики. Все это отправилось в чугунок к немного размякшему гороху и тихонько булькающему бульону. Накрыв крышкой, оставила суп томиться.

Внезапно меня осенило – а почему бы не испечь лепешки? Простые, деревенские, где кроме муки, воды да щепотки соли, тронутой ароматом сала, ничего и не нужно. Из скромного количества теста вышло четыре румяных солнышка. Испекла их тут же, на сковороде, в остатках душистого жира.

Мэтти все это время глазел на меня так, словно впервые видел. Он то и дело вытирал рукавом рот и сглатывал слюну, завороченный.

Кухня и правда наполнилась аппетитными ароматами, перебив неприятные запахи, к которым мой нос уже начал привыкать. Не дождавшись готовности супа, я разломилась пополам одну лепешку и протянула половину мальчику. Он вцепился в нее, как голодный волчонок, с жадностью, будто никогда в жизни не пробовал ничего вкуснее.

Я тоже откусила кусочек, но едва лишь успела его прожевать, как во дворе послышался шум и ругательства Ромула. Лепешка застряла в горле. Отложив ее, я словно струна натянулась, приклеив взгляд к дверному проему. Скоро там показалась грузная фигура моего супруга. Рожа красная, глаза навыкате – то ли от ярости, то ли от выпитого. Тяжелый запах самогона и застарелого пота ворвался в комнату, оседая в горле.

– Лорка, баба тупоголовая, я что сказал тебе с утра?

Я попятилась, пока спиной не почувствовала жаркий бок печи.

– Скотину кормить кто будет?!

Мэтти юркнул под стол и съежился там, словно испуганный зверек.

– В сарае коза не доена, куры без воды сидят!

Я растерянно моргнула, бросив виноватый взгляд на забившегося в угол ребенка. И коза еще! Моя оплошность, не изучила содержимое сараев, а дите и не догадалось напомнить. Откуда ж ему знать, что я тут – мать и не мать вовсе...

– Я замоталась с готовкой, – пролепетала в свое оправдание. – Сейчас отнесу воды, ты только успокойся...

Муж взорвался как порох. Схватив меня за волосы, поволок к выходу.

– Отнесет она, глядите! Голос еще на меня повышать будет, тварь неблагодарная! Сейчас я тебе покажу, где твое место, коль и дальше ослушиваться станешь.

Я была в таком шоке, что лишилась голоса. Слова застряли в горле. Волосы до боли натянули кожу головы, отчего перед глазами появились белые всполохи.

– Отпусти! – просипела я, цепляясь за толстое потное запястье Ромула. – Мне больно!
Он прорычал что-то нечленораздельное, продолжая тащить меня в сторону покосившегося сарая.

Глава 4

Ромул швырнул меня внутрь темного, пропахшего навозом помещения, как мешок с картошкой. Я с трудом удержалась на ногах, чуть не упав в грязную жижу. Коза с козленком, испуганные грохотом, жалобно блеяли, прижавшись друг к другу в дальнем углу. Куры, оглушительно закудахтав, врассыпную кинулись по закуткам, забиваясь в самые темные щели.

Задыхаясь от ярости, Ромул обвел взглядом грязное помещение. Под ноги ему со скрежетом откатилось ведро. Схватив его, он с силой бросил его в мою сторону. Оно с глухим стуком ударилось о стену в паре сантиметров от моей головы. Я вздрогнула, прижавшись спиной к шершавым доскам.

– Тут еще и не чищено! – прорычал он, надвигаясь на меня. – Сейчас я тебе покажу, что значит мужу перечить!

Я съежилась, закрывая лицо руками, ожидая удара. Но вдруг в гвалт, царящий вокруг, ворвался крик Итана:

– Батька, батька, там дед Жерар идет!

Мальчишка влетел в сарай, резко останавливаясь в дверях. На его бледном лице горели огромные темные глаза, наполненные испугом. Он метнул взгляд на меня, потом на Ромула и торопливо выпалил:

– Зовет тебя, слышишь, бать?

Ромул, сплюнув под ноги, выругался сквозь зубы:

– Черт бы побрал старого хрыча... – Снова плюнул и ткнул в мою сторону пальцем: – Чтоб тут все блестело, поняла? Иначе в этом дерьме утоплю.

Меня пробрало до костей от его слов и взгляда, полного пьяной злости.

– Ответа жду!

– Поняла.

– Коза, куры, навоз, – перечислил он. – И не растягивай удовольствие.

Он развернулся и, тяжело ступая, направился к выходу. Поравнявшись с сыном, схватил его за ухо и потащил за собой.

– Ай-яй, батька, за что? – запричитал Итан.

– Сколько раз говорил: «Не лезь», а? Думаешь, я не вижу, как ты мачеху защищаешь? За дурака меня держишь?

Дверь с грохотом захлопнулась, оставив меня в полумраке сарая. Я опустилась на колени, чувствуя, как по щекам катятся слезы. Обида и отчаяние сдавили горло. Перед глазами все еще стояло перекошенное от злобы лицо мужа и забившийся под стол Мэтти, съежившийся от страха.

Слезы жгли кожу, смешиваясь с грязью на руках. Я подняла взгляд на узкую щель под крышей, сквозь которую пробивался слабый луч солнца. Его на секунду перекрыла юркая тень, и мое внимание переключилось на нее. По балке пробежал полосатый кот. Ловко перепрыгнув с одной доски на другую, он быстро очутился внизу и, крадучись, приблизился ко мне. Я вытерла слезы тыльной стороной ладони и протянула к нему руку. Он тут же ткнулся мокрым носом, а затем лбом, требуя ласки.

Нужно было встать. Нужно было сделать то, что приказал Ромул.

– Прости, усатик, в другой раз.

С трудом поднявшись на ноги, я огляделась. Сарай был в ужасном состоянии. Сено валялось вперемешку с козьим и куриным пометом, повсюду летали куриные перья. Запах стоял невыносимый. Я взяла в руки вилы, прислоненные к сеннику, и, собрав всю волю в кулак, начала убирать. Каждое движение отдавалось болью в теле, но я не останавливалась. Работа помогала отвлечься от обиды, от страха за свое будущее и от переживаний за детей.

Полосатый кот устроился на сене и наблюдал за мной с высоты своей лежанки. За мыслями о том, как мне жить дальше, я не заметила, как выполнила все, что требовалось. Кроме дойки козы. Этого я совсем не умела...

Стало немного чище, запах чуть слабее. Козы перестали жаться в углу, а куры спокойно клевали зерно. Я наполнила поилки водой из стоявшей в углу бочки и насыпала корм. Окинула взглядом преобразившийся сарай, задержалась на все еще валяющемся ведре. Подняла его и растерянно посмотрела на козу.

Ну, надо хотя бы попытаться...

Вздыхнув, я двинулась к скотине, неуверенно протягивая руку. Она настороженно покосилась на меня, переминаясь с ноги на ногу. Я присела на корточки рядом, стараясь говорить ласково, чтобы успокоить. Больше себя, наверное, нежели ее...

– Ну чего ты боишься, глупенькая? Я же не обижу. Надо тебя подоить, а я и не знаю как.

Коза все еще нервно дергала хвостом. Я попыталась вспомнить, как доили корову в детстве, но память подводила. Помнила только, что нужно сжать сосок и потянуть вниз.

Сделала несколько неуклюжих попыток, но коза дернулась и отошла в сторону.

– Ну вот, – вздохнула я, – ничего у меня не получается...

Тут раздался скрип, и в приоткрытую дверь просунулась вихрастая голова Итана.

– Ты чего тут застряла? Батка взбеленится, если еще долго тут сидеть будешь!

Мое самообладание держалось на тонюсенькой ниточке. Еще один упрек, тычок или окрик, и я зареву белугой, вот честное слово!

Резко выпрямившись, я протянула мальчику ведро.

– Подои козу!

– Чего?..

– Козу, говорю, подои. Ты же умеешь?

Он растерянно похлопал глазами, затем протиснулся внутрь сарая. Почесал затылок.

– Знаешь же, что умею. Чего вопросы глупые задавать.

Я непроизвольно перевела взгляд на его алеющее правое ухо. Жалость кольнула в самое сердце. Так не должно продолжаться. Нужно что-то делать... Сбежать? Дети не оставят отца, да и куда я пойду? У меня никого и ничего нет... Ни родни, ни друзей, ни знаний об этом мире.

– Сильно он тебя? – тихо спросила, подходя ближе.

– Ды нет, эт ничего совсем. – Он растер пылающее ухо. – А коль меня не воспитывать, я ж совсем от рук отобуюсь.

Слова эти вряд ли принадлежали ему.

– И ты вон обленилась совсем, – вдруг резко добавил Итан. Грубо отобрал у меня ведро и двинулся к козе. – Мурку подоить ей сложно, ты гляди, какая цаца!

Я прикрыла глаза и сделала глубокий вдох. Затем медленный выдох.

Найти выход.

Немедленно найти выход, иначе долго я тут не протяну.

Итан ловко подставил ведро и начал быстро доить козу. Струйки молока звонко били по дну. Пока он доил, я рассматривала его худенькую фигурку, запачканную грязью рубашку, спутанные волосы. Сколько ему пришлось пережить? Сколько раз он становился свидетелем пьяных выходок отца? Сколько синяков скрывается под этой одеждой? Я наблюдала за ним, и в голове зрел план. Надо уехать, но не одной. Забрать детей, начать новую жизнь. Как? Куда? Эти вопросы пока оставались без ответов. Ведь мальчишки – сыновья Ромула, не могла же я их похитить... Да и касательно себя не была уверена, что запросто могу скрыться от него.

Закончив дойку, Итан встал и молча двинулся к выходу. Молока от козы было немного, примерно на баночку семисот грамм. Мы вместе вышли из сарая и направились к дому. Заходить внутрь мне жуть как не хотелось, но нужно было увидеть Мэтти, убедиться, что он в порядке.

Не успели мы дойти до порога, как вдруг со стороны забора послышались крики:

– Лорка, беда! Беда стряслась!

Я замерла как вкопанная, не сразу соображая, что Лорка – это я. Итан ткнул меня локтем и кивнул на бегущую по тропе бабку. Она размахивала руками и голосила на всю округу:

– Ромул, касатик, убился!

Меня волной ледяной окатило.

– Не на смерть, слава боженьке! Хватило же ума моему Жерару его под синькой на крышу звать!

– Какая крыша? Какой Жерар?..

– Дед Жерар, сосед наш, – пробормотал Итан, медленно ставя ведро с молоком на порог. – А это Люсинда, лекарка она.

Он выглядел растерянным и даже не обратил внимания на мою амнезию.

Бабка подбежала ближе, хватая воздух ртом.

– Да как же ж? Крыша хлева! Полезли они туда вдвоем, чего-то там чинить, ну Ромул и навернулся. Жерар-то старый, только и смог, что позвать на помощь. Лежит твой-то возле хлева, мы его поднять не можем. Как назло, никого по домам – все на пашне! А мне помощь нужна!

Не помню, как я добежала до хлева. Видела только мелькающие перед глазами спину Итана и юбку бабки Люсинды. Ромул лежал на земле, неестественно вывернув ногу. Лицо было бледным, на лбу виднелась ссадина. Рядом охал дед Жерар, держась за правую руку.

– Живой? – спросила я, опускаясь на колени рядом с мужем.

– Дышит, дышит, – отозвался Жерар. – Только вот нога... Кажись, сломал.

Ромул был в отключке и ничего сказать не мог. Я попыталась нащупать пульс на его шее. Бился слабо, но ровно. Нужно было что-то делать, но что? В голове была пустота. Я понятия не имела, как оказывать первую помощь при переломах. Вспомнила только, что нужно зафиксировать сломанную конечность.

– Что от меня требуется? – Я подняла глаза на Люсинду.

– Помоги поднять, дотащить надобно до дому. Боров-то большой, неподъемный, а Жерар руку ушиб.

– А разве можно его двигать, перелом же...

– Ты мне еще перечить будешь, голубушка? Лекарь тут я, а не ты. Поднимать надо!

Дело это показалось мне невыполнимым. Тонкая-прозрачная я и сухопарая бабка совершенно точно не справимся с неподъемным телом.

– Я помогу, – подошел с другой стороны Итан.

Мы принялись за дело втроем. Получалось с трудом. Ромул был тяжелым и неподвижным. Наконец, общими усилиями мы умудрились подхватить его под руки и подтащить к дому. Дед Жерар ковылял следом, причитая и жалуясь на свою ушибленную руку.

В прихожей обнаружилась деревянная койка, на которую мы кое-как уложили Ромула. Люсинда принялась осматривать его, ощупывая ногу. Я стояла рядом, украдкой осматриваясь. Итан молча наблюдал за происходящим из угла комнаты. Отдать ему должное, воспринял он несчастье с отцом очень стойко, почти хладнокровно.

– Перелом, точно перелом, – констатировала Люсинда. – Надо косточки вправить и зафиксировать ногу. Домой касатика точно не отпущу сейчас, тут переночует.

Не сказать чтобы я сильно расстроилась. И жаль мне Ромула тоже не было. Будучи пьяным в стельку, он вряд ли понял, что сломал ногу, а отключился – потому что головой ударился.

Наблюдать за действиями лекарки я не стала.

– Останешься? – спросила Итана, прежде чем попрощаться с соседями.

Мальчик просто кивнул, не двинувшись с места и даже на меня не взглянув. Удивительно, несмотря на отношения в этой семье, дети все равно привязаны к отцу. И тут я поняла, что,

если соберусь бежать, старший не последует за мной. Преданность таких вот беспризорных ребят своим отвратительным родителям на самом деле ужасает.

Я поспешила домой, полная решимости воспользоваться отсутствием Ромула по полной: искупаться самой, отмыть Мэтти, придумать что-нибудь с матрасом и, наконец, хорошенько выспаться.

Мальчишка обнаружился там же, где я его в последний раз видела, – под кухонным столом. Когда я вошла, он выполз оттуда и бросился ко мне. Я растерянно поймала его в объятия и погладила по грязным спутанным волосам. Сердце защемило.

– Все в порядке? Папа тебя не обидел?

Он отрицательно замотал головой, продолжая цепляться за мою юбку.

– Ты голоден?

Снова «нет».

– Что ж, тогда нам опять предстоит путешествие к колодцу.

Но прежде я вылила остатки воды в старый чугунок, подбросила дров в печь и поставила наполненную почти до краев емкость нагреваться. Как только вернемся, сразу же примемся за Мэтти.

По тропе, ведущей к границе поля и леса, мне пришлось пройти трижды. Кухонная бочка была наполнена до половины, а оставшиеся два ведра я развела горячей водой. Затем заглянула в комнату детей, чтобы поискать сменную одежду. Кровать у них была одна на двоих, но матрас на ней оказался на удивление сносным. Хоть над этим не придется ломать голову!

Отыскав в сундуке чистую хлопковую рубашу и полотенце, я уже собралась выйти, но, помедлив, вернулась. Взяла еще штаны размером побольше – для Итана. Когда он вернется, нужно будет и его привести в божеский вид. А потом сообразить, как здесь стирку организовать. О порошке в эти времена и не слышали. Единственное, что приходило на ум, – кипячение. А для этого снова потребуется уйма воды. Уже от одной мысли о походе к колодцу ныли руки.

– Мэтти, покажи-ка, где у нас банные дни проходят?

Он несмело подвел меня к двери и указал пальцем на покосившийся сарай напротив дома. Отлично, хоть какие-то стены. Я бы не удивилась, если бы пришлось купаться прямо под открытым небом.

Внутри баня оказалась куда лучше, чем снаружи. В углу стояла деревянная бадья, в которую мог поместиться взрослый человек – правда, только сидя. У противоположной стены я с приятным удивлением обнаружила лавку, а на ней – кусок мыла. Сероватый, неровно отрезанный, но все еще приятно пахнущий травами. Уже что-то!

Положив полотенце и чистую одежду на лавку, я притащила ведра с теплой водой и ковш. Вылила одно ведро в бадью, а затем позвала Мэтти.

Он немного испугался, увидев мои приготовления.

– Давай, снимай с себя испачканные вещи, – мягко попросила я.

Мальчик неохотно послушался. Окинув его взглядом, я поняла, что сначала нужно смыть верхний слой грязи, прежде чем сажать его в воду. Пришлось усадить его на лавку и, намочив тряпку-мочалку, оттереть с лица, рук и ног въевшуюся пыль. Он дергался и пытался вырваться, пока я не начала осторожно смывать с его тела грязные разводы. Когда он увидел, как темная вода стекает по его рукам, немного успокоился.

– Ну вот, первый этап пройден. А теперь скорее сюда.

Я помогла ему забраться в бадью и быстро намылила его голову и тело, стараясь не попадать в глаза. Мэтти тихонько поскуливал, словно щенок, которого впервые опустили в воду, но уже не сопротивлялся.

После купания мальчик словно преобразился. Темные засаленные пряди превратились в мягкие русые волосы, а на щеках проступил здоровый румянец. Завернув ребенка в полотенце, я вытащила его из мутной воды, хорошенько обтерла и помогла надеть рубашу.

– Беги в дом!

Мэтти, сияя чистотой, выскользнул за дверь, а я осталась один на один с грязной водой и необходимостью ее куда-то вылить. Вздыхнув, я вытащила бадью на улицу и выплеснула содержимое в траву.

К своему удивлению, увидела во дворе Итана. Он сидел на бревне, положенном вдоль забора, и смотрел вдаль. Я подошла и присела рядом.

– Ты как? – тихо спросила я.

Он вздрогнул, словно очнувшись от забытья, и посмотрел на меня.

– Батька помрет, да?

Больше всего в этом вопросе меня поразила интонация, с которой он был задан. Абсолютно ровная, лишенная каких-либо эмоций. В сочетании с непомерно тоскливым взглядом она выбивала воздух из легких.

– Нет, что ты такое говоришь. Он всего лишь сломал ногу.

Итан нахмурился.

– Это не «всего лишь».

Я промолчала. Наверное, в те времена любая травма считалась смертельной. Ни лекарств, ни нормальной медицины.

– Не нужно думать о плохом, Итан.

– А чего эт? Лучше подготовиться к худшему, чтобы оно не застало нас врасплох.

Я с удивлением посмотрела на него. Поразительно взрослая мысль для семилетнего мальчишки.

Но в данной ситуации «худшее» равнялось «лучшему». Подумав об этом, я прикрыла глаза и мысленно себя отругала. Я плохой человек, раз желаю кому-то смерти? Видимо, поэтому судьба забросила меня именно сюда, в этот маленький филиал ада.

– Пойдем, нужно помыться и переодеться, – предложила я, уходя от скользкой темы. – Тебя ждет чистая одежда.

– Ничего подобного! – ошетинился он. – До дня помывки еще далеко!

– Пока нет отца, в доме я главная. И я переносу этот день на сегодня.

Несколько секунд он сверлил меня злобным взглядом, а потом вдруг вскочил и больно толкнул в плечо.

– Ай! Ты чего?!

– Заткнись! – закричал Итан. – Батька пока жив! Нечего его хоронить раньше времени!

Развернувшись, он перепрыгнул через низкую ограду и помчался прочь, в направлении соседской избы.

Глава 5

Я проводила Итана взглядом, ощущая ноющую боль в плече и нарастающее чувство вины. Что я творю? Перекраиваю чужую жизнь по своему усмотрению, не задумываясь о последствиях. Хотела как лучше, а получилось... как всегда.

Вернувшись в баню, я взглянула на сиротливо плескавшуюся на дне ведра остывшую воду. Капля в море, которой явно не хватит, чтобы смыть с себя всю грязь и усталость. Придется ставить котелок снова.

Пока вода грелась, я занялась матрасом. Вытряхнула из него затхлую солому, собираясь набить свежей, но вдруг остановилась. Рассмотрела этот мешок на свету. Ужаснулась. Тут замена содержимого не поможет...

Пришлось пихать наматрасник в уже закипающую воду. Сверху настрогала ножом стружки с куска мыла, хорошенько перемешала все палкой. Отправилась снова за водой.

Не знаю, как я дотянула до вечера и не рухнула, словно подрубленное дерево! Наполнила бочку в кухне до краев, щедро отмерила два ведра для своего купания, вытащила выварку на улицу, и, пока она остывала, наметала рядом гору белья для первой стирки. Одежду Мэтти, полотенца, свои несколько сменных рубах и юбку, извлеченную из сундука. Даже сложенные, они хранили в себе запах затхлости и времени. К ним же отправились несколько наволочек – моих и мальчиков.

Стирка руками была непростым занятием.

Когда вода немного остыла, я принялась остервенело тереть ткань о ребристую доску. Мыльной пены почти не было, жидкость быстро превращалась в густую грязную жижу. Запах старого дерева, мыла и пота сплетался в густой, терпкий аромат, въедавшийся в кожу.

В двух подготовленных ведрах я полоскала и сразу же вывешивала белье на веревку. До вечера оставалось достаточно времени, чтобы часть вещей высохла. К моей удаче, поднялся ветер, ускоряя этот процесс.

После стирки я нашла в себе силы на купание. Теплая вода приятно растекалась по натруженным мышцам, унося с собой усталость и боль. Я долго намыливала волосы и тело, смывала и снова намыливала. Кусок драгоценного мыла истончился за этот день почти наполовину! Нужно срочно подумать, где взять еще. Может быть, в доме есть кладовка или тайник, о которых я пока не знаю?

В голове крутились обрывки мыслей, планы на завтрашний день, воспоминания о прошлой, такой далекой и безвозвратной жизни. Как же легко и беззаботно я жила! Да, были трудности и потери, но сейчас, после всего одного дня в этом суровом мире, прошлое казалось мне потерянным раем.

Воистину, мы не ценим то, что имеем. Просто не знаем, как сильно может быть тяжело.

Когда вышла из бани, ветер немного стих, а солнце начало клониться к закату, окрашивая небо в багровые тона. Воздух был свежим, но еще хранил тепло уходящего дня. В доме мерцал тусклый огонек, и оттуда доносились приглушенные голоса.

Не имея пока иной альтернативы, я надела те же вещи, что и перед купанием. Встряхнула несколько раз мокрые волосы, сбрасывая с них остатки влаги, и шагнула за порог.

На кухне я застала детей. Чистый, преобразившийся Мэтти и еще более чумазный на его фоне Итан. Они сидели за столом, и старший что-то тихо рассказывал младшему. На подоконнике горела свеча, отбрасывая причудливые тени на стены. Несмотря на то что на улице еще было светло, в доме царил полумрак.

Заметив меня, Итан вдруг вскочил и, потупив взгляд, пробормотал:

– Ты это... прости меня. Что толкнул. Я просто... это, как его... – Он почесал затылок, старательно избегая смотреть мне в глаза.

– Был расстроен из-за отца? – помогла я ему закончить фразу.

Он лишь молча кивнул.

Я приблизилась, подняла руку и легонько пригладила его торчащие во все стороны волосы. Он вздрогнул от моего прикосновения и сторбился еще сильнее, словно пытаюсь спрятаться от меня, от себя самого, от всего мира.

– Мэтти и я искупались, может, все же и ты захочешь?

Итан шмыгнул носом и, все еще избегая зрительного контакта, пробурчал:

– Там же это... того... мало воды осталось.

Я улыбнулась, чувствуя, как по венам разливается тепло.

– Я наполнила бочку в кухне. Хватит на всех.

Итан поднял на меня быстрый недоверчивый взгляд, но тут же снова опустил глаза. Видимо, ему было трудно поверить в такую простую заботу, в элементарное проявление участия. Голод, тяжелый труд, постоянная тревога из-за пьянчуги родителя – все это оставило глубокий отпечаток на детях, научив их ожидать худшего и сомневаться в лучшем.

Я тихонько присела на щербатый табурет рядом с ним и взяла его ладонь в свою. Маленькая, но уже загрубевшая от работы, она была холодной. Тепло моей руки, казалось, немного растопило его напряженность.

– Итан, я понимаю, что ты волнуешься за отца. Но мы должны держаться вместе. Мы должны заботиться друг о друге. Я знаю, ты намеренно отвлек его сегодня, когда мы были в сарае. Спасибо тебе за это.

Он молчал, но я почувствовала, как его пальцы слегка сжали мою ладонь. Этого слабого, едва заметного жеста было для меня достаточно.

– Пойдем, – сказала я, поднимаясь. – Я помогу тебе налить воды. Она быстро нагреется, и мы отправимся в баню. А потом ты будешь чистым и отдохнувшим, как Мэтти. И мы вместе поужинаем.

Итан наконец поднял глаза и посмотрел на меня. Затем кивнул и, отпустив мою руку, направился к бочке, стоявшей в углу кухни. Я последовала за ним, чувствуя, как тяжесть в груди немного отступает.

Мы вместе набрали воды в чугунок и отволокли его к печи.

Пока он нагревался, я поверхностно прибралась на кухне, а Итан пополнил опустевшую корзину для дров – наносил поленьев из уличных запасов. Их надо было беречь, расходовать экономно. Я это знала, но впереди было много стирки и уборки, потому и вода, и огонь будут просто необходимы.

– Мальчики, завтра мне нужна ваша помощь. Необходимо будет натаскать воды от колодца. Я затеяла большую уборку, и этой бочки точно не хватит.

– Чего эт ты надумала? – с подозрением покосился на меня старший. – Нормально у нас в избе, чисто. Неча глупостями заниматься. Странная какая...

– Просто хочу, чтобы здесь было чисто и уютно, – терпеливо ответила я.

Мне хотелось избавиться от запаха перегара, застарелого пота и грязной одежды, пропитавшего каждый уголок, от разбросанных повсюду вещей, от тяжелой атмосферы безнадёги. Чтобы сделать это, мало одной бочки воды, но я не хотела заранее отчаиваться. Глаза боятся, руки делают. Надо только начать.

От чугунка на печи повалил густой пар, пахнувший нагретым металлом.

– Вот и вскипело! Сейчас разведем кипяток и пойдем.

Итан набрал в ведро треть холодной воды, а я добавила туда горячей. Затем взглядом указала, чтобы он наполнил и второе ведро.

– Ды это ж целое озеро! Куда мне столько! Утопить меня решила?

Я вздохнула.

– Этого будет мало. Давай второе.

Он фыркнул, покачал головой, но все же послушался.

Нагруженные, мы отправились в полутемную баню. С Итаном я проделала все то же самое, что и с Мэтти, вот только он не был таким послушным. Все время отпихивал мои руки, когда я пыталась хорошенько намылить его волосы, огрызался и говорил неприятные вещи.

Я жала зубы, никак на это не реагируя, и упорно продолжала свое дело.

В итоге этот невыносимый мальчишка отправился в дом чистым, а я оказалась окончательно вымотана. Умывшись и прополоскав рот, я сделала себе мысленную заметку соорудить из веточек что-то вроде зубных щеток.

Вернувшись на кухню, я накрыла на стол.

Поужинали молча. Гороховая похлебка и лепешки исчезли со стола в мгновение ока! Мэтти ел жадно, не поднимая глаз от тарелки. Итан ковырялся деревянной ложкой в своей порции, словно не чувствовал голода. А может, просто не привык к нормальной еде. Я наблюдала за ними, и сердце сжималось от жалости. Они были такими маленькими и вместе с тем уже слишком взрослыми.

После ужина я предложила Итану помочь вымыть посуду, но он лишь хмыкнул, буркнув, что это бабское дело. Встал из-за стола, не сказав ни слова благодарности, и скрылся в темноте дома.

Я не стала ничего говорить. Завтра будет новый день, и я попробую найти к нему подход. Мэтти, закончив со своей тарелкой, послушно остался и помог мне убрать со стола. А когда я отправила его в постель, он вдруг обнял меня, уткнувшись носом в живот, и затих так на несколько долгих минут.

– Было вкусно? – ласково спросила я, пригладив его мягкие волосы.

Мальчик кивнул. Затем отстранился и отправился вслед за братом.

Я стояла посреди кухни еще долго, смотря в пустоту перед собой и думая, думая, думая... За окном стремительно темнело, и огонька свечи уже было мало. Спихавшись, я поторопилась во двор. Пощупала белье, с радостью понимая, что оно высохло. Ставив с веревки, закинула на плечо и внесла в дом. Встряхнула грубый мешок под соломой и сходила в сарай, к сенику. Набила импровизированный матрас душистой свежей соломой, а потом вернулась в дом.

Осмотрела двери в поиске замка или крючка. К моей радости, обнаружился добротный деревянный засов во всю ширину. Только задвинув его, я смогла наконец выдохнуть с облегчением. Этот невыносимо долгий и трудный день, казалось, подошел к концу. В глубине души теплилась надежда, что дальше будет легче. Ведь самое страшное, самое немыслимое я пережила: пробуждение в незнакомом мире, в чужом теле, унижения отвратительного мужа, осознание царящей вокруг нищеты и запустения, знакомство с детьми, дикими, словно лесные зверята.

И я не сошла с ума! Не сломалась, осознав весь этот кошмар. Даже нашла в себе силы осмотреться, сообразить, что к чему. В целом я молодец.

Похвалив себя, я опустилась на табурет посреди кухни, прижала охапку вещей к груди и, уткнувшись носом в пахнущую солнцем и травами ткань, расплакалась.

Слезы текли ручьем, обжигая щеки. В них было все: и страх, и отчаяние, и неприкрытая жалость к себе. Я, еще вчера жительница современного города, оказалась в этом богом забытом месте, в теле женщины, которую, судя по всему, никто не любил и не жалел. Как такое вообще возможно? Вопросы, в течение дня всплывавшие в голове, не давали ответа. Лишь усиливали ощущение безысходности. И сейчас, в полной тишине и полумраке дома, освещенная тусклым огоньком свечи, эта безысходность нашла из меня выход.

Который раз за сегодня я плачу? В самом-то деле, Лариса, ты же не расклеилась даже в тяжелейшие послевоенные годы, подняла троих детей и обеспечила им достойное будущее. Неужели теперь опустишь руки?

И вдруг, словно сквозь толстую корку льда, пробилось упрямое, злое желание выжить.

Не просто существовать, а именно выжить. Ради себя, ради этих несчастных детей, которые смотрели на меня с такой надеждой и одновременно с опаской. Они, как и я, нуждались в защите и тепле. И я должна была им это дать.

А деспотичный муж?

Буду решать проблемы по мере их поступления. Пока что Ромул выведен из строя, и на том спасибо.

Собравшись с духом, я вытерла слезы и встала. Отнесла вещи в спальню, бросила на кровать набитый сеном матрас и постаралась его расправить более-менее ровно. Переделалась в длинную, до самых пят, ночную сорочку, а затем спустилась к мальчишкам.

– Еще не спите? Я вам чистые наволочки принесла.

На двоих у них была одна кровать, и Мэтти уже тихо сопел, прижавшись к стенке. Итан же ковырялся небольшим ножиком в какой-то деревянной колотушке. Подняв на меня глаза, он нахмурился и тихо спросил:

– А Мурку подоила уже?

Я простонала, проведя ладонью по лицу. Точно, коза! И доить ее надо утром и вечером, все верно. Подойдя к кровати, я осторожно вытащила набитую соломой подушку из-под головы спящего Мэтти и принялась натягивать стираную наволочку прямо поверх старой.

– Итан, давай Мурка будет твоей обязанностью? Я так устала сегодня, что она совсем вылетела у меня из головы.

Мальчик недовольно засопел, но встал и направился к двери.

– Мало тебя батька наказывает, – бурчал он себе под нос. – Тебя воспитывать похлеще моего надобно!

Я пропустила его слова мимо ушей, подкладывая обновленную подушку под голову младшего сына. По дому раздался нарочитый топот ног, затем грохот на кухне. Поторопившись выглянуть из комнаты, я шикнула на Итана:

– Ты чего так шумишь? Брата разбудишь!

Мальчишка взял горящую свечу в подсвечнике, глубокую миску и вышел в ночь, оставив дверь нараспашку. Я вернулась в детскую, натянула наволочку на вторую подушку. Накрыла Мэтти тонким шерстяным одеяльцем и погладила по волосам.

И тут вдруг услышала тихие шаги, приближающиеся к порогу. Скрип досок крыльца оповестил, что кто-то остановился у самого входа. Я замерла, затаив дыхание. Итан только что вышел, он не мог так быстро вернуться, да и не стал бы делать это тихо.

Сердце забилось чаще, меня окатило волной ледяного ужаса.

Осмотревшись, я увидела лишь полено, которое выстрагивал мальчик. Ножик он утащил с собой, запихнув за пояс штанов. Защититься этим вряд ли получится, но ничего более подходящего тут не было. Наклонившись, я подняла дровину и крепко сжала ее в руке.

Некто переступил скрипучий порог и молча вошел в дом.

Преодолевая страх, я на цыпочках подкралась к двери и выглянула из комнаты. В полумраке узенькой прихожей стояла высокая темная фигура. Мороз промчался по коже. Это совершенно точно не Итан.

Сначала я увидела лишь очертания, но незнакомец сделал еще шаг и попал в тусклую полосу света от одинокой свечи. Это был не «он», а «она». Женщина была закутана в плащ не различного в этом освещении цвета, а на голову был надвинут капюшон.

Осмелев, я вышла из детской и плотно закрыла за собой дверь.

– Ты кто такая и что тебе надо? – Постаралась придать строгости голосу, но предательская дрожь все равно пробила.

Незнакомка пристально посмотрела на меня, и я смогла лучше рассмотреть ее старое, изрезанное морщинами лицо с глубоко посаженными глазами.

– Не бойся, я не причиню тебе вреда, – прозвучал хриплый, словно простуженный голос. – Я знаю, кто ты и зачем здесь.

В ее словах действительно не было угрозы, но я лишь крепче сжала полено, выставив его перед собой.

– Еще раз спрашиваю, кто ты такая? Даже я не знаю, по какой причине тут очутилась, откуда же тебе известно обо мне?

Она медленно двинулась в мою сторону, но вдруг замерла, прислушиваясь к абсолютной тишине. Затем посмотрела на лестницу и проговорила:

– Я должна рассказать тебе кое-что важное. Но меня здесь никто не должен видеть. Поднимайся наверх, как будешь готова, поговорим.

И она отправилась по ступеням в хозяйскую спальню!

Я пребывала в таком шоке, что проследила за ней, не проронив ни слова. Едва высокая фигура скрылась за поворотом, с улицы донесся грохот и топот ног. Это Итан закрыл сарай, а теперь торопился в дом.

Замерев на месте, я судорожно пыталась осмыслить происходящее. Незнакомка, внезапно появившаяся словно из ниоткуда, знающая обо мне то, чего не знаю я сама, и теперь хозяйничающая в доме, будто у себя... Инстинкт самосохранения вопил, требуя хватать детей и бежать, но любопытство и страх перед неизвестностью сковали ноги.

Едва Итан вошел, я выхватила у него миску с парным молоком, потрепала его по голове и проговорила:

– Умница! Спасибо, что сделал это, а теперь беги в кровать.

Он растерянно похлопал глазами, явно замечая мое странное поведение.

– Совсем сбрендил девка, – пробормотал мальчик себе под нос.

Захлопнув входную дверь, он задвинул засов и отправился в детскую.

Я поставила миску на стол, накрыла сверху полотенцем, чтобы никакая мошка туда не залетела, а сама поторопилась следом за Итаном. Вошла в комнату, заметив, как старший сын запрыгивает на кровать и вытягивается на спине, заложив руки за голову.

– Спокойной ночи, – прошептала я.

Не получив в ответ какой-либо реакции, прикрыла дверь и глубоко вздохнула. Меня охватило странное чувство... предвкушения. А вдруг эта старуха скажет что-то такое, что перевернет все с ног на голову? Может, я и не останусь здесь, может, это было что-то вроде испытания перед принятием в рай? Или ад...

Мне стало не по себе, и я поежилась.

Сердце колотилось так, словно собиралось выскочить из груди, когда я, с поленом в руке, начала подниматься по лестнице. Каждый скрип половицы казался оглушительным. Вполне возможно, что странная гостья мне лишь привиделась. Ничего удивительного, на фоне попадания после смерти в незнакомый мир и чужое тело!

В спальне было темно и тихо. Тусклый свет луны, проникающий сквозь мутное стекло, позволял различить высокий худощавый силуэт у окна.

Нет, мне не привиделось...

Она обернулась, и в полумраке я увидела, как ее тонкие морщинистые губы сложились в подобие улыбки.

– Не бойся, дитя, – прошептала она, – я пришла помочь тебе.

Плотно прикрыв дверь, я осталась стоять там же, крепко сжимая свое «оружие».

– Я понимаю, что ты испугана, – тихо продолжила она. – Но поверь мне, в этом доме живет тайна, которую ты должна узнать.

– Какая тайна? – выдохнула я, стараясь казаться храбрее, чем чувствовала себя на самом деле.

Полено предательски дрожало в руке.

Женщина подошла ближе, и я отметила, как странно она пахнет: смесью сырой земли, горьких трав и еще чего-то сладкого... забродивших ягод?

– Тайна жизни Мэлори, ее истинной сущности. Тайна ее отца. И хозяина этого дома. Ты полагаешь, что попала сюда случайно? Что это ошибка? Нет, дитя.

Она приблизилась почти вплотную, и я отшатнулась, ощутив спиной твердость двери. В лунном свете лицо старухи казалось еще более изможденным, но в серых выцветших глазах горел странный огонь.

– Это все глупости... одно сплошное недоразумение! Я вообще не отсюда, я умерла, и теперь все это мне просто мерещится.

– Ты умерла – это верно. И Мэлори тоже погибла. Деспотичный муж всему виной, бедняжка была продана ему как откуп.

Меня сотрясала крупная дрожь от дикости того, что слышала.

– Откуп?..

– Твою душу притянуло в это тело, а вот душа Мэлори – навечно растворилась в небытии. Слишком истощена была, горемычная.

Я не выдержала, отпихнула от себя сумасшедшую бабку и прошла вглубь комнаты.

– Давайте-ка по порядку! И начните, пожалуйста, со своего имени. Повторяю вопрос: кто вы такая и откуда все это знаете?

Старуха усмехнулась, отчего сеть морщин на ее лице стала еще глубже.

– Имя? Зови меня просто – Знающая. Я многое знаю, дитя. Гораздо больше, чем тебе представить под силу. Годы напролет я наблюдала за людскими судьбами издали, видела их страдания, слышала их горе. Выслеживала таких, как ты, и направляла на верный путь.

– Таких, как я?

– Путешественников. Неужели ты думала, что одна такая?

Я вперилась в нее взглядом, пытаюсь разгадать, говорит она правду или передо мной просто безумная старуха. Но что-то в ее глазах и голосе заставляло ей верить.

– Но как... как вы узнаете, кто есть кто на самом деле?

– Тише, дитя. Не трать дыхание на вопросы, ответы на которые тебе сейчас ни к чему.

Она снова приблизилась, и меня обдало запахом сырой земли и прелой листвы.

– Теперь ты – Мэлори и должна знать вот что: твоя мать была ведуньей. Она рано покинула этот мир, не успев передать тебе свои знания. Но ты можешь обрести их сама, если хватит смелости.

Знающая запустила костлявую руку в складки темно-серой мантии и извлекла оттуда большой, почерневший от времени ключ. Протянула его мне, добавляя:

– Там ты найдешь ответы на многие вопросы. Но будь осторожна, эта тропа часто ведет к одиночеству.

Приняв ключ, я растерянно повертела его в пальцах.

– А где находится дверь, которую он отмыкает?

– В доме твоего отца. После его смерти все имущество досталось тебе, но сомневаюсь, что ты об этом знала. Твой муж забрал все. Что-то продал, а до чего-то еще не успел добраться. У тебя еще есть время заявить свои права на оставшееся.

– Почему отец отдал меня этому человеку? Я – единственная дочь, не убогая, не калека, с приданым... И вдруг становлюсь третьей женой жестокого пьяницы, дважды вдовца. Его предыдущих жен уже нет в живых, верно?

Старуха посмотрела на меня с горечью.

– Верно, погубил он всех своих жен. И детей погубить на роду у него написано, да только ты появилась в его доме, перепутав нити судьбы. У тебя есть выбор. Можешь уйти прямо сейчас, он и искать тебя не станет. А можешь остаться. Второй путь тернист, но только на нем можно спасти три невинные души.

– Три? – Я нахмурилась.

Мэтти, Итан, а еще кто? Ну уж точно не сам Ромул!

– Всему свое время, Мэлори. Что до отца, он игрок был, до беспамятства азарт его снедал. Он расплатился тобой с Ромулом, как карточным долгом.

Я попятилась к кровати и осела на ее край. Полено выскользнуло из ослабевших пальцев, глухо стукнув по полу. Какая же кошмарная судьба! Мать, судя по всему, ведьмой была и покинула этот мир слишком рано. Спасибо, что не на костре инквизиции, иначе Мэлори ждала бы та же участь. А отец? Оказался ничем не лучше пьяницы Ромула. И теперь у меня выбор без выбора: уйти, попытавшись устроить свою жизнь где-то далеко, бросив двух мальчишек на верную гибель, либо остаться и выкарабкиваться из этой беспросветной нищеты вместе с ними.

Волна отчаяния накрыла меня с головой. Мир вокруг поплыл, стал зыбким и нереальным, словно кошмарный сон. Но слова Знающей звучали в голове набатом, напоминая о жестокой реальности.

«Выбор... спасти три невинные души...»

Что я вообще могу? Я слабая, напуганная девушка, брошенная на произвол судьбы.

Но в самой глубине души вспыхнул слабый уголек надежды. Мать – ведунья? А значит, и во мне дремлет эта сила, ждущая своего часа. Ключ... дом отца... знания. Это нить, за которую можно ухватиться, чтобы выбраться из этой ямы. Ради Мэтти, ради Итана, ради той третьей души, кто бы она ни была.

Я подняла голову и посмотрела Знающей прямо в глаза. В них не было ни жалости, ни сочувствия. Она видела мое смятение и ждала решения. И я приняла его.

– Конечно же, я останусь.

Знающая одобрительно кивнула.

– Первым делом посети дом отца. И не медли, Мэлори.

Я сжала в руке холодный металл ключа. В голове роились мысли, перебивая друг друга. Дом отца... каким он был? Что я там найду? И как мне туда добраться, не вызвав подозрений Ромула? Лекарка, скорее всего, спровадит его уже завтра.

Знающая подошла к окну и приоткрыла его, впуская в комнату свежий ночной воздух. Запах сырой земли и трав стал еще сильнее, обволакивая меня, словно кокон.

– Иди завтра, еще до рассвета. В это время тебя никто не увидит, и назад воротиться успеешь, едва петухи закричат. Дом твоего отца стоит на самой окраине деревни, недалеко от леса. Ты узнаешь его по старой яблоне во дворе. Она еще цветет.

С этими словами старуха отвернулась и бесшумно направилась прочь из комнаты.

– Погодите! – окликнула я ее у самой двери.

Она глянула на меня через плечо, молчаливо ожидая вопроса.

– Меня кое-что тревожит, ответьте, если знаете. У младшего сына отрезан язык. Кто это сделал и за что?

Знающая медленно обернулась. Взгляд ее стал тяжелым, словно она несла на себе бремя чужих грехов. Она помолчала, взвешивая каждое слово, прежде чем его произнести.

– Ромул это сделал. Мальчик увидел то, чего не должен был видеть, и собирался рассказать об этом старосте деревни.

Я даже думать не хотела, свидетелем чего мог стать несчастный ребенок. Но действия его отца ужасали!

– Но как же так! Неужели никто не заметил этого зверства?

– Никому нет дела, Мэлори. Здесь не бывает гостей, а сам мальчишка дальше колодца не ходит.

– Но это же... бесчеловечно.

– Ты можешь излечить его, если захочешь. Вернуть ему способность говорить. Очень многое сейчас в твоих руках. Больше мне сказать тебе нечего.

На этом наш разговор был окончен. Не произнесла больше ни единого слова, Знаящая скрылась во тьме, сгустившейся в дверном проеме. Какое-то время я сидела не шевелясь и вслушиваясь в тишину. Ни шагов, ни скрежета отодвигаемого засова, словно старуха испарилась прямо в воздухе.

Спустившись вниз, я убедилась, что входная дверь заперта. По коже пробежали мурашки. Если бы не все еще витающий в воздухе запах влажной земли и горьких трав, я бы решила, что ведунья мне померещилась.

Глава 6

Ночь прошла в тревожном полусне. Я то проваливалась в беспокойные видения, то просыпалась от малейшего шороха. Образ Знающей, ее слова о матери-ведунье, о расплатившемся мной отце, о трех невинных душах, нуждающихся в спасении, не давали мне покоя.

Едва в спальню начал пробиваться свет нового дня, я тихонько встала, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить мальчиков. Облачившись в поношенное платье Мэлори, я неслышно выскользнула из дома, сжимая в руке старый ключ.

Утренняя прохлада бодрила, а пение птиц казалось насмешкой на фоне творившегося в моей душе хаоса. Дорога к окраине деревни была недолгой. Я не помнила этот путь вдоль леса, ноги сами несли вперед. Вот и яблоня, усыпанная нежными розовыми цветами, словно приветствующая меня из прошлого. Старый покосившийся дом выглядел заброшенным и мрачным, но в то же время в нем чувствовалось что-то родное, давно забытое.

Это было странно, ведь отец умер не так давно. Почему здесь царит такое запустение, такая ветхость? Словно жизнь покинула эти стены много лет назад.

Ключ оказался не от входной двери. Та и вовсе не была заперта. Она со скрипом распахнулась, впуская меня в темную утробу, пропитанную сыростью и пылью. Запах старого дерева, плесени и давно забытых воспоминаний обрушился на меня, унося в далекое детство, которое Мэлори, казалось, и вовсе не помнила. Я вошла внутрь, полная решимости узнать как можно больше о себе и о своей семье.

Осторожно ступая, я прошла вглубь дома. В полумраке угадывались очертания старой мебели, покрытой толстым слоем пыли. Паутина свисала с потолка, словно траурные кружева. В углу комнаты, возле камина, стояло кресло-качалка, тихонько поскрипывая под напором ветра, проникавшего сквозь щели в окнах. Дом жил своей собственной жизнью, храня в себе тайны прошлых лет.

Я замерла посреди комнаты, тщетно пытаюсь собрать воедино обрывки воспоминаний Мэлори. Что она помнила об этом месте? О своей матери? Об отце? В голове всплывали лишь размытые образы, словно кадры из старого фильма. Я подошла к камину и провела рукой по шершавой поверхности камней. Здесь горел огонь, согревая семью в долгие зимние вечера. Здесь рассказывались сказки и легенды, передаваемые из поколения в поколение.

В доме было два помещения, одно из которых служило кухней, столовой и жилой комнатой одновременно. Назначение второго оставалось загадкой, ибо в нем не имелось ровным счетом ничего. Ни мебели, ни вещей. Неужели Ромул вынес и пропил все до последней щепки?

К слову, осматривая родительский дом, я вновь поймала себя на мысли, что хоромы моего мужа совершенно не похожи на крестьянскую избу. Даже с учетом того, что он кузнец и, возможно, когда-то неплохо зарабатывал на жизнь. Два этажа с двумя отдельными спальнями и кухней – это неслыханная роскошь для средневековой деревни! Если бы Знающая не исчезла так внезапно, а я не была так потрясена услышанным, я бы непременно спросила и об этом. Возможно, еще представится случай встретиться с ней, и уж тогда я не забуду задать этот вопрос. А может, сама найду ответ. Наберусь смелости и выпытаю все у Ромула. С его покалеченной ногой он вряд ли причинит мне вред за излишнее любопытство.

Обойдя комнаты несколько раз, я не нашла ничего, что могло бы пролить свет на прошлое. Единственной тайной дверью оказался вход в погреб под кухонным столом. Но он был пуст. Лишь яма, заваленная обломками старых ящиков и парой пустых стеклянных банок. Возможно, часть запасов, которые я обнаружила в доме мужа, была извлечена именно отсюда.

Выйдя во двор, я бегло осмотрела покосившиеся постройки, где когда-то содержались животные, а затем направилась к мельнице.

В целом моя семья не бедствовала. Отец имел право обрабатывать часть поля, мимо которого мы шли с Мэтти к колодцу. Там сеяли пшеницу или рожь, а урожай шел на продажу и пропитание. Часть зерна отправлялась на рынок, а часть мололась в муку. Если вспомнить о матери-ворожее, можно предположить, что она оказывала лекарские услуги или занималась чем-то подобным. Но о ней в моей памяти не осталось ни единого воспоминания, лишь смутные догадки.

Мельница, несмотря на заброшенный вид, оказалась довольно крепкой. Деревянные лопасти обветшали, но сам механизм выглядел вполне работоспособным. Заглянув внутрь, я обнаружила мешки с зерном, немного муки и старые инструменты. Видимо, до мельницы руки у Ромула еще не дошли.

Пробежавшись глазами по стенам, я заметила небольшую потайную нишу, замаскированную под деревянную обшивку.

Сердце забило быстрее. Что-то подсказывало: именно туда мне нужно заглянуть.

Ощупав стену, я нащупала подвижную дощечку. Она отодвигалась в сторону, являя замочную скважину. Дрожащими пальцами я извлекла старый ключ и вставила его внутрь. Повернула несколько раз, и раздался щелчок.

Неужели все так просто?

Узкая дверь поддавалась не сразу – заела, но в конце концов со скрипом отворилась.

Заглянув внутрь, я увидела что-то вроде чулана. Тесное пространство, едва метр на полтора, с низким потолком. У дальней стены стоял сундук, а по бокам были прибиты узкие полочки, на которых пылились несколько старых книг в кожаных переплетах, пучки сушеных трав, несколько пузырьков с непонятными жидкостями и котелок с толстыми стенками. Травы пахли странно, но как-то знакомо. Книги были написаны на чужом языке, хотя буквы выглядели так, словно я уже видела их раньше.

Присев перед сундуком, я открыла скрипучую крышку. Внутри оказались разные вещи: одежда, мыло, еще одна книга, свитки с записями и вытесанная из серого камня шкатулка. В ней лежал кожаный мешочек с золотыми и серебряными монетами, кольцо с мутным бесцветным камнем и такой же кулон на плетеном шнурке.

Он привлек мое внимание больше всего остального. Взяв его в руку, я ощутила холодную тяжесть и легкое покалывание в ладони. Это явно не простая стекляшка...

Я не могла здесь долго задерживаться. Но стоило ли нести находки в дом мужа? Книги, травы, пузырьки и амулет. Знания. То, что мне так необходимо. Знающая советовала поспешить в отцовский дом, значит, велика вероятность, что Ромул сам может обнаружить все это.

Решение созрело мгновенно. Вытащив из сундука новую сложенную простыню, я расстелила ее перед тайником и быстро сложила на середину все, что там было. Связав противоположные края, я получила внушительный узел, который с трудом подняла и закинула за спину, словно мешок. Спрячу все в спальне, на второй этаж Ромул в ближайшее время точно не заберется.

Домой я успела добраться до того, как мальчишки проснулись.

Затащила узел с новообретенным наследством наверх, оставила рядом с сундуком, а сама бегом спустилась на кухню. Вчерашнее молоко уже закисло, я смешала утреннее и вечернее, оставив в одной емкости кваситься дальше. Из него выйдет отличный творог, а там, глядишь, и пирог какой-нибудь с ним испеку.

Остатки гороховой похлебки, настоявшиеся за ночь, я разогрела в протопленной печи и разлила по трем тарелкам. Последнюю лепешку разломала пополам, чтобы, проснувшись, дети могли позавтракать. Сама же, наскоро перекусив, отправилась к соседке.

Чутье подсказывало, что бабка Люсинда придет сегодня в гости, дабы просить забрать пострадавшего муженька на домашний досмотр. Принимать гостей не было ни малейшего

желания, поэтому я решила сыграть на опережение и навестить ее первой. К тому же надо было узнать, в каком состоянии Ромул, что с его ногой и каковы прогнозы.

Люсинда встретила меня на пороге с потухшим взглядом и опущенными плечами. Вид у нее был совсем жалкий.

– Ох, Мэлори, хорошо, что ты пришла. Не знаю, что и делать. Ромул совсем плох, рана гнить начала. Боюсь, помрет он у меня там...

Я опешила. Не прошло и суток с того момента, как он рухнул с крыши, неужели перелом мог так быстро привести к заражению?

– Не может быть! С ногой все настолько плохо?

– С ногой?.. Ой, нет, милая, я же не сказала! Видать, касатик повредил что-то в брюхе, живот посинел весь, опух, кровоупускание не помогло совсем.

Меня передернуло. Методы местной медицины оставляли желать лучшего. Лекарка поманила за собой и скрылась в полумраке прихожей. Я шагнула следом. В крохотной душной комнатке ощущалось спертое тепло от разведенного в глиняной чаше огня. Чаша стояла прямо на полу, у изголовья койки, на которой я увидела Ромула. Он лежал в той же позе, что и вчера, но теперь пребывал в сознании и тихо стонал на каждом тяжелом выдохе.

Его бледная кожа была покрыта испариной. Выглядел он сильно измученным. Нога перевязана грязными тряпками, а от желтого компресса на животе исходил тошнотворный запах разложения. Я осторожно приблизилась, сплетя пальцы в замок перед собой. Люсинда, засуетившись, приподняла ткань, демонстрируя огромный багровый отек, расплзшийся по всему низу живота. Кожа вокруг пупка потрескалась, и оттуда сочилась мутная сукровица.

– О боже! – Я отшатнулась, зажав рот ладонью.

Ромул разлепил веки и медленно повернул голову.

– Ну что, довольна, ведьма? – прохрипел он, глядя на меня мутным взглядом. – Пришла поглядеть на мои мучения?

– Не обижайся на него, – поторопилась смягчить острые слова лекарка. – От боли совсем рассудок помутился у бедняги. Это же немислимо, ни разу такого не встречала... Ох, горе, какое горе! С нашей ведь крыши свалился, не позови его мой непутевый Жерар, здоров бы сейчас касатик твой был!

Люсинда всхлинула и украдкой смахнула слезу.

Я оторвала взгляд от Ромула и посмотрела на лекарку. Она выглядела неубедительно. То терла глаза, то поглядывала исподтишка, словно пытаясь уловить мою реакцию.

Мне и притворяться не надо было: как бы сильно я ни хотела избавиться от мужа, таких мучений уж точно ему не желала. Да и не ясно, как подобное вообще могло случиться? Он выглядел так, словно лежал на этой лавке минимум пару недель!

Перед глазами всплыла картинка отчего дома, настолько обветшавшего и запущенного, будто там не жили уже много лет. В душе скребнула тревога. Что-то здесь было не так.

– Я не понимаю, – проговорила я, стараясь скрыть дрожь в голосе. – Как такое могло произойти? Вчера он выглядел вполне... стабильно. Просто сломанная нога.

Люсинда всплеснула руками.

– Да кто ж его знает, Мэлори! Я всего лишь травница. А беды никогда поодиночке не ходят. Видать, внутри что-то повредил, когда упал. Я ж говорю, Жерар проклятый! Если бы не он, сидел бы сейчас Ромул дома и пил бы себе горячку. А теперь...

Я перевела взгляд на Ромула.

Да, пил бы и меня поколачивал... Или очередную психологическую травму детям своим наносил.

В груди разлился ледяной холод. Плохой знак, но должного сочувствия к мужу я сейчас не испытывала.

– Ладно. – Я выдохнула, стараясь собраться с мыслями. – Может, позвать лекаря из города? Или... что-то приготовить, отвар какой?

– Да какой город, с ума сошла, девка? До города трое суток добираться! Не жилец твой касатик столько. Вот, коль желаешь облегчить его муки, меняй компресс. Да словом ласковым подбодри.

Люсинда махнула на меня ладонью и отошла в угол комнаты. Там стоял деревянный таз с мутной жидкостью и плавающей в ней тряпкой. Подняв его, притащила ближе к кровати.

– А я пойду пока состав лекарственный потолку, посыплю на раны. Хоть какой толк будет.

С этими словами бабка ушла, оставив меня с Ромулом один на один.

Брезгливо поморщившись, я вытащила из жидкости тряпку и постаралась отжать ее. Затем сняла с живота мужа компресс. Он был горячим. За тканью потянулась какая-то слизь, и я едва сдержала рвотный позыв.

Ромул замычал и хрипло закашлялся.

– Какая же ты тварь, Мэлори Бут, – отдышавшись, выплюнул он. – Это же ты, да? За то, что лупил тебя, неудобную, со свету сжить меня решила.

– Побойся бога, Ромул, – прошептала я, осторожно укладывая мокрую ткань. – Ты же без моей помощи с крыши упал.

Я чувствовала, как подрагивают мои руки, пока я возилась с этим отвратительным компрессом. Все это казалось кошмарным сном. Вчера сломанная нога, сегодня – разлагающийся живот. Ромул продолжал что-то бормотать, обвиняя меня во всех смертных грехах, но я старалась не обращать внимания. Нужно было сосредоточиться и понять, что происходит.

Может, и не стоило приходить. Но я уже здесь, в этой зловонной комнатухе, где смерть витала в воздухе. И что-то мне подсказывало, что она здесь не случайно. Слишком быстро все произошло. Слишком неправдоподобно.

Я закончила с компрессом и села на край продавленной койки. Ромул затих, исчерпав запас брани. Его взгляд устремился в потолок. Я видела, как по бледным щекам катятся слезы, смешиваясь с капельками пота. Мне стало... жаль его. Не то чтобы сердце разрывалось, но что-то болезненно дрогнуло внутри.

– Ромул, – тихо позвала я. – Скажи мне правду. Что ты скрывал от Мэлори?

Он молчал, прерывисто постанывая. Вряд ли вообще слышал меня. Я выждала короткую паузу, а затем повторила вопрос, настойчивее.

– Ведьма ты, Мэлори, – прохрипел он наконец. – Джек, мерзавец, сплавил тебя мне на погибель. Да сам не дождался расплаты... Богу душу отдал раньше меня.

Я отшатнулась, словно от удара. Не хватало еще, чтобы слух по деревне о моей причастности к ведьмовству пошел! Собравшись с мыслями, взяла безвольную, влажную от пота ручищу мужа и склонилась к нему поближе. Может статься, это единственный шанс узнать ответы на свои вопросы.

– Отец расплатился мной по долгам, так? За что?

– Он не мог... продать дом... и мельницу. У нас была договоренность... Джек хотел уехать, а земля принадлежала его жене. А потом – ее дочери. Ведьмовские штучки...

Он закашлялся, и его губы заалели кровью. Я едва сдержалась, чтобы не отпрянуть в угол, не дать рвущейся наружу тошноте волю. Крепче сжала его ладонь, вытягивая из умирающего признания.

– То есть я хозяйка земли и всего, что на ней стоит?

– Это неправильно... не по закону... Я твой муж, и я владелец... но что-то пошло не так...

Ромул издал протяжный стон. Говорить он больше не мог. Его затуманенные глаза налились кровью, а грудь заходила ходуном от частого дыхания.

Я встала, попятившись.

Сердце колотилось так неистово, что заглушало все внешние звуки. Горло сдавило тошнотой, и я все же бросилась прочь из душной комнатухи на улицу. Едва успела до ближайшего дерева и свернулась пополам, выдавая земле скудный завтрак.

Боже, какой кошмар...

Мама и вправду была ведьмой. А отец и Ромул хотели обманом продать мое наследство, за что и поплатились.

Ветер трепал мои волосы, унося тошнотворный запах. Опершись о шершавую кору яблони, я пыталась отдышаться и привести мысли в порядок. Слова Ромула эхом отдавались в голове, складываясь в зловещую картину. Джек, мой отец, не просто продал меня за долги, а предложил будущему зятю дьявольски выгодную сделку. Выстроил коварный план по продаже того, что ему не принадлежало, – земли, пропитанной магией. И Ромул, движимый жадой наживы, пал жертвой древних законов, о которых даже не подозревал.

Из хижины вырвался истошный вопль, а следом горестные стенания. Дверь с грохотом распахнулась, являя белую как полотно Люсинду. Она тут же нашла меня взглядом и бросилась ко мне.

– Ох, деточка, горе-то какое! Лишились вы с дитятками кормильца! Горе, какое горе!

Люсинда обняла меня, причитая о нашей с детьми горькой доле, а я смотрела перед собой невидящим взглядом. Кормильца... Да он скорее могильщиком мне был, чем мужем. Но вслух я ничего не сказала. Сейчас не время для откровений. Нужно играть роль вдовы, оплакивать утрату и не вызывать подозрений. Слишком тонка грань, по которой мне предстояло пройти. Лекарка слышала предсмертные слова Ромула, его обвинения в колдовстве и смерти. Стоит бабке Люсинде поделиться этим с кем-нибудь из соседей, и вспыхнувший костер инквизиции будет уже не потушить.

Глава 7

Следующие три дня прошли для меня как в тумане.

Похороны, соседи, роль горюющей вдовы, дети. Самым сложным было последнее.

Мэтти, и без того тихий мальчик, превратился в бесплотную тень. Странная реакция, учитывая, сколько боли и страха причинял ему отец. Он неотступно следовал за мной, как потерянный щенок, но словно не слышал и не видел ничего вокруг.

Итан же, напротив, встретил горестную весть яростным воплем, обвинив меня в смерти Ромула! Сбежал из дома, словно дикий зверь, и не появлялся до самого погребения. А когда вернулся, смотрел на меня исподлобья, как на злейшего врага. Мне стало страшно, я впервые ощутила, что не справлюсь с этим ребенком и в принципе не знаю, что от него ожидать.

Средневековые похороны выглядели совсем иначе, нежели в моем времени.

Пока мужчины грубо сколачивали погребальные носилки, женщины омывали тело Ромула, облачая его в новую домотканую рубаху. Я сидела в стороне, наблюдая за тягостной процессией, и чувствовала себя чужой на этом празднике смерти. Главным распорядителем числился дьякон, прибывший из соседней деревни. Она была больше нашей, там имелась своя церковь, приход которой набирался из трех ближайших селений. Дьякон читал молитвы, окуливал раздувшееся тело Ромула едким ладаном и отдавал указания, что нужно делать далее.

Двое служителей в белых балахонах безмолвно помогали ему. Как я поняла, церковь брала на себя организацию похорон от и до, за что полагалось заплатить. И разумеется, не забыть о пожертвовании в размере десятины от всего, чем я владела, – об этом дьякон тактично напомнил мне во время короткой сочувственной речи. Меня дрожь пробирала от одного лишь присутствия всех этих людей в моем доме, на расспросы и уточнения не было ни сил, ни желания.

Бабка Люсинда все время ошивалась поблизости, и я непроизвольно прислушивалась ко всему, что она говорит. К счастью, из ее уст не прозвучало ничего, что могло как-то меня осудить. Напротив, лекарка сокрушалась, что Ромул сорвался с крыши ее сарая, и теперь она чувствовала себя виноватой в его смерти.

Похоронили Ромула на небольшом кладбище за деревней. Могилу выкопали быстро, мужчины споро орудовали лопатами, словно соревнуясь, кто скорее закончит это мрачное дело. Гроба не было, покойника опускали прямо в погребальных носилках из неструганых досок, но украсили их ветками ели и полевыми цветами.

Мэтти, как тень, следовал за мной, держась за край моей юбки. Итан шел поодаль, с ненавистью глядя на все происходящее. Дьякон монотонно читал молитвы, служители размахивали кадилами, распространяя вокруг терпкий запах ладана. Женщины причитали, выли и осыпали накрытое желтоватой тканью тело землей. Я стояла словно каменная, не в силах проронить ни слезинки. Внутри все похолодело и сжалось в тугой комок.

На похоронах собралась вся деревня. Люди сочувственно качали головами, выражали соболезнования и предлагали помощь. Но в их глазах я видела не только жалость, но и настоятельность. Шепот за спиной не укрылся от моего слуха. Кое-кто поговаривал о проклятии, нависшем над нашей семьей, ведь совсем недавно вот так же хоронили моего отца.

После погребения ко мне подошел дьякон и порекомендовал прибыть в церковь, дабы «очиститься». Я согласилась, лишь бы все это поскорее закончилось.

Потом мы с детьми вернулись в дом, где каждый предмет напоминал о Ромуле. О его грубости, пьянстве и бесконечных придирках. Но теперь все это осталось в прошлом. И вместо облегчения я почувствовала тягостное чувство вины. Вины за то, что желала ему смерти и теперь, в глубине души, счастлива, что он ушел из нашей жизни.

Вечером я попыталась поговорить с Итаном, но он лишь огрызнулся и убежал в свою комнату. Мэтти молча обнял меня, прижался щекой к руке и уснул рядом на кровати.

Ночь прошла в тревоге и кошмарах. Мне снился Ромул, обвиняющий меня в своей смерти, дьякон, требующий непомерную дань, а затем подозревающий в ведьмовстве, и голодные лица детей. Проснувшись, я чувствовала себя разбитой и измотанной. Но нужно было вставать и что-то делать. Дети голодны, новая реальность требует решений, а впереди еще столько дел.

Решив начать с малого, я спустилась на кухню и принялась готовить завтрак. Это были накопившиеся за несколько дней яйца, жаренные на сале. Мэтти уселся за стол и молча наблюдал за моими действиями. Итан так и не вышел из комнаты. Накормив младшего и отправив его в курятник за очередной порцией яиц, я решила попытаться наладить контакт со старшим сыном. Постучала в детскую, но в ответ услышала лишь тишину. Открыв дверь, я увидела, что он сидит на кровати, уставившись в одну точку.

– Итан, нам нужно поговорить, – сказала я мягко.

Он ничего не ответил. Присев рядом с ним на кровать, я взяла его за руку.

– Я понимаю, что тебе сейчас очень тяжело. И знаю, что ты любил своего отца. Но ты должен понять, что в его смерти нет виноватых. Это был несчастный случай.

Итан вырвал свою руку и отвернулся к стене.

– Уходи, – прошептал он.

Конечно же, потребуется время, чтобы залечить его раны, но я не собиралась сдаваться.

Ведь должна была стать для этих детей матерью, защитницей и опорой. Даже если это означало, что придется бороться с целым миром.

Не успела я открыть рот для очередной попытки наладить связь, как по дому разнесся громкий стук во входную дверь. Всего один, но от него вздрогнули стены. Затем скрип петель и тяжелые шаги через порог.

– Встречай, хозяйка! – прогремел незнакомый мужской голос. – Поговорим о судьбе твоей дальнейшей!

Итан вдруг встрепенулся и схватил меня за руку.

– Господин Гильем!

– Кто?..

– Староста деревни! Он же не заберет нас у тебя, нет?

В глазах Итана плескался неподдельный страх. Я растерялась. О таком повороте событий я никак не могла подумать...

– Нет! Конечно нет.

– Мэлори Бут, гость на пороге! – снова заголосил староста.

Итан среагировал быстрее меня, вскочил с кровати и выбежал в коридор. Я поторопилась следом.

В прихожей стоял огромный мужик лет сорока пяти с круглым багровым лицом, густой рыжей бородой и животом, выпирающим из-под кожаного жилета. Глаза маленькие, темные, смотрят исподлобья. За ним в дверях жался перепуганный Мэтти с тремя куриными яйцами в ладошках.

– А вот и ты, вдовушка! – рявкнул Гильем, осматривая меня с ног до головы. – Слышал я, как ты тут мужа схоронила. Дело, конечно, житейское. Но теперь ты одна, а земля-то у тебя знатная.

Он прошел на кухню не разуваясь и уселся на ближайший стул, водрузив свои огромные ручки на стол. Мэтти спрятался за моей спиной, Итан стоял рядом, сжав кулаки. Отмерев, я последовала за старостой, но садиться напротив не стала.

– Ты не переживай, Мэлори. Мы тут люди добрые, в беде не бросим, – промурлыкал Гильем, словно кот, играющий с мышкой. – Но порядок есть порядок. Раз мужа нет, надо решать, кто о тебе заботиться будет. Негоже молодой бабе одной пропадать.

Я похолодела. Вот оно что! Этот мерзавец пришел меня сватать! Или, что еще хуже, принудить к браку с кем-то из своих прихвостней, чтобы отобрать наследство. А ведь земля на могиле Ромула еще не осела!

Ярость заклокотала внутри, но я старалась сохранять спокойствие, как будто ничего не происходит.

– Господин Гильем, я еще не успела оправиться от горя. Дайте мне время, – попыталась я сдержать дрожь в голосе. – И потом, у меня есть дети. Я должна о них позаботиться, о себе сейчас думать некогда.

Гильем хмыкнул, словно не веря ни единому моему слову, и обвел взглядом Итана и Мэтти.

– Дети? Да разве ж твои они? Ромул осиротил поганцев, теперь отправим их в приют Святой Анны, в Ладлоу. Там им самое место.

– Нет! – Я инстинктивно прижала Мэтти к себе. – Они останутся со мной! Я была законной женой Ромула и усыновила мальчиков. Теперь я его вдова, а дети – мои.

Староста свел кустистые брови к переносице и прочистил горло.

– Кхе-кхе. Да зачем же тебе на плечи такой груз, Мэл! Посмотри на себя, молодая баба, кровь с молоком, тебе жизнь устраивать надо, защитника искать, кормильца. А разве ж кто возьмет тебя с таким выводком-то?

Кажется, в моих глазах отразилось все, что я думаю на этот счет, потому что Гильем вдруг махнул рукой и стукнул ладонью по столешнице, заставив подскочить чашки.

– Ай, да ладно! Поговорим об этом позже. – Просканировав Итана и Мэтти оценивающим взглядом, добавил: – Мальчишки крепкие, работники из них выйдут знатные. Скоро сезон полей да огородов откроется. Не пропадут.

– Моим детям и без того забот хватит. У нас много дел ожидается в доме и хозяйстве, своей лишь парой рук я не справлюсь, – возразила я, стараясь говорить твердо.

Староста хмыкнул и пригладил густую бороду. В ней я разглядела кусочки пшеничной каши, запутавшиеся в волосах. Внутренне содрогнувшись от омерзения, постаралась сохранить внешнее спокойствие.

– Как уже сказал, обсудим позже. А ты, Мэлори, женщина видная. Не думаю, что долго одна пробудешь. Но я, так и быть, готов взять заботу о тебе в свои руки. Земля твоя мне ни к чему, у меня своей хватает. Просто не хочу, чтобы ты тут одна пропадала. В одиночку такой годной бабе жить – не дело.

Он говорил сладко, но в маленьких глазках плясали недобрые огоньки. Я чувствовала, как Мэтти вжимается в мой бок, а Итан стоит, словно натянутая струна, готовый в любую секунду сорваться. Нужно было выиграть время.

– Я благодарна вам, господин Гильем, за вашу заботу. Но, как я уже сказала, я еще не готова к такому серьезному решению. Позвольте мне подумать.

Гильем нахмурился. Видимо, не ожидал такого отпора от тихой вдовушки. Он поднялся, тяжело опираясь на стол, отчего тот скрипнул под его весом.

– Ты же понимаешь, что на тебя желающие быстро найдутся? И далеко не такие выгодные, как я. Может оказаться, что никто другой вот так расшаркиваться перед тобой не станет. Придет да возьмет силой да еще обрюхатит. И некуда тебе потом будет деться. А сильно потасканную я уже брать не захочу. Брезгливый я.

Меня пробила холодная дрожь от его слов. Этот говнюк говорил обо мне словно о вещи!

– Дайте хотя бы месяц, – выдавила из себя я. – А там посмотрим.

Он выпрямился и подтянул пояс штанов, слегка перекрывая полоску волосатого пуза. Движением воздуха по кухне разнесся запах пота и мочи. Меня замутило.

– Ладно, вдовушка, месяц так месяц. Но смотри, время быстро летит. А вздумаешь меня завтраками кормить – пожалеешь.

– Даже не подумала, господин Гильем.

– Я человек занятой, долго ждать не люблю. Так что думай хорошенько. А чтоб хорошо думалось, пришлю тебе завтра работника. Чего тут надобно в доме по мужской части сделать, поручишь ему. Не стесняйся.

Я поторопилась отказаться, понимая, что его помощь обернется еще большей кабалой.

– Ну что вы, не стоит!..

– Не перечь, Мэлори. Лучше подумай, чем в следующий раз меня угощать будешь. Негоже гостю голодным сидеть на кухне.

Я стиснула зубы и отступила в сторону, когда огромная фигура Гильема двинулась к выходу, заслонив собой свет. Вот что за напасть? От одного борова избавилась, как еще один нарисовался! И ведь месяца спокойного он мне не даст. И детей наверняка придумает, как в приют отправить, а землю оттяпать.

Как только за Гильемом закрылась дверь, напряжение в комнате словно лопнуло. Мэтти разрыдался в голос, уткнувшись лицом мне в живот. Итан же продолжал стоять, сжав кулаки до побелевших костяшек, и смотрел в окно, туда, где только что скрылся староста.

Я понимала, что месяц – это ничтожно мало, а Гильем не из тех, кто будет спокойно ждать.

Мне нужно было срочно придумать план, пока не стало слишком поздно.

Я обняла Мэтти крепче, чувствуя, как его хрупкое тельце содрогается от рыданий. Итана взяла за руку, и он неохотно, но все же сжал мою ладонь в ответ. В его глазах плескалась недетская решимость.

– Я в приют не поеду! – отрезал он. – И Мэтти не поедет. Ни за что!

– Тихо, милый, – ответила я успокаивающим голосом. – Никто никуда не едет, все остаются здесь. Я не допущу, чтобы вас у меня забрали. Мы справимся, мальчики. Но только вместе.

Мэтти немного успокоился и отлепился от меня.

– Ты готов помогать мне, Итан?

Он кивнул, не отрывая взгляда от окна. Старший все понимал. Понимал, что их жизнь в одночасье перевернулась с ног на голову и теперь им предстоит бороться за свое место под солнцем. В этой новой реальности нет места для долгой скорби по отцу и надуманной обиды на мачеху.

– Тогда слушайте меня внимательно, – произнесла я, стараясь говорить твердо и спокойно, чтобы не посеять лишнюю панику. – Сейчас нам в первую очередь нужно привести в порядок дом. Мэтти, твое задание: вынести все вещи из вашей комнаты. Складывай прямо в коридоре, на пол. Пусть останутся только голые стены и мебель, хорошо?

Мальчик послушно кивнул, бережно положил на стол куриные яйца, которые все это время сжимал в руках, и отправился выполнять поручение.

– Итан, а тебе нужно сначала поесть.

– Я не голоден.

Вздыхнув, я села на табурет и жестом подозвала мальчика к себе. Когда он остановился напротив, заговорила:

– Тебе придется стать моей опорой, Итан. Особенно сейчас. Мне будет трудно решать все эти свалившиеся на нас проблемы и попутно переживать, поел ли ты, искупался ли, дома ли ты или снова сбежал в неизвестном направлении. Я понимаю, потеря папы – это страшный удар, но...

– Он был козлом.

Я осеклась, словно споткнулась о камень, потеряв нить своей речи.

– Прости, что?..

– Отец был плохим, поняла? Я это знаю. Он бил тебя, бил меня, отрезал язык Мэгги. Но мне все равно кажется, что без него нам будет еще хуже.

Тишина, словно могильный камень, повисла между нами. Сглотнув ком, подступивший к горлу, я подбирала нужные слова. Итан почесал затылок, скосил взгляд на тарелку с остывшей яичницей и, словно повинаясь невидимому приказу, нехотя сел за стол. Пододвинул к себе завтрак и начал есть.

– Я и не говорила, что нам будет лучше, – наконец выдавила я из себя. – Нам будет просто... по-другому. Мы продолжим жить в этом доме, и я не хочу, чтобы к нам присоединился кто-то еще.

Итан промычал что-то невнятное, жадно поглощая жаренные на сале яйца.

– Хорошо, тогда решено. Закрыли тему и больше к ней не возвращаемся. Твои поручения на сегодня: подоить козу и наносить бочку воды. Только не двумя ведрами сразу, ладно? Ходи с одним, не нужно надрываться. Это задание на весь день, так что отдыхай, когда захочется, и не торопись. Я сегодня буду много мыть и стирать, так что следи, чтобы мне хватало воды.

Покончив с едой, Итан отодвинул тарелку и странно на меня посмотрел. Словно хотел что-то спросить, но не решался.

– И все? Только вода и коза?

– Да.

– Ну-у... я могу еще чего-нибудь поделать. Что ж мне до вечера балду гонять, что ли?

– Следи за водой, Итан. И не убегай из дома. Если понадобится еще какая помощь, я позову тебя.

– Ладно.

В моих словах звучала твердость, но я понимала, что одними разговорами и генеральной уборкой дело не решить. Гильем не отстанет, это было ясно как день. Нужно что-то предпринять, и как можно скорее. Первым делом следовало оценить наши ресурсы и продумать план защиты. Дом, слава богу, был крепкий, но вот запасы продовольствия оставляли желать лучшего.

Когда мальчики разошлись по своим делам, я вышла во двор и окинула взглядом свое небольшое хозяйство. Курятник и сарай с козой, огород, заросший сорняками, и сад с яблонями, нуждающимися в обрезке. Работы – непочатый край. Но сейчас главное – безопасность. Я заглянула в сарай, где хранились инструменты и прочий хлам. Нужно было найти что-то, чем можно было бы обороняться. Топор, вилы, лопата – все это в моих руках выглядело довольно жалко против предполагаемой грубой мужской силы. Но хоть что-то. Взяв топор, я вернулась в дом. Закрыла входную дверь и оценивающе осмотрела пространство рядом с ней.

Во-первых, надо взять за правило запираяться, когда дети в доме. Местные обычаи входить без разрешения нервировали до белого каления.

Во-вторых, помимо засова нужно придумать добротный крючок – его быстрее накинуть, если вдруг понадобится запереть дверь в считанные секунды.

И в-третьих, нам нужна собака. Было бы неплохо знать заранее о приближении чужака.

Поставив себе мысленно галочку – сходить по соседям с этим вопросом, я принялась думать, куда пристроить топор. Оставлять его на виду не хотелось, но и убирать куда-то далеко – смысла не было. Переведя взгляд на покосившуюся этажерку со всяким хламом, я протянула к ней руку и медленно наклонила вбок. Все, что на ней громоздилось, с грохотом повалилось на пол. Коробки, старые банки, гвозди, какие-то тряпки, поломанные деревянные игрушки – просто немыслимо, по какому признаку все это складировалось конкретно в этом месте!

Воодушевившись, я схватила метлу и смела пыль с паутиной из угла рядом с дверью. Потом подтянула туда освободившуюся этажерку. Она встала точь-в-точь до дверного проема.

– Отлично! – вырвалось у меня.

Топор прекрасно помещался между этой полкой и стеной. В глаза он не бросался, зато был в легком доступе. А когда я организую здесь хранение нужных вещей, оружие для самообороны и вовсе исчезнет из вида и знать о нем буду только я.

Глава 8

Мэтти, как муравей, таскал вещи из комнаты, складывая их в коридоре горкой. Итан добросовестно носил воду и присматривал за хозяйством. Я же трудилась как заведенная, выметая пыль и сор из углов, натирая мыльной тряпкой все видимые поверхности и намывая полы. Кухня, коридорчик, прихожая и детская комната задышали свежестью и чистотой. Все предметы были рассортированы в три кучи: выкинуть, отремонтировать, постирать. Вещи из первой категории сразу же отправились на улицу, в одну большую свалку. Из второй – сложены в корзину для дальнейшей работы. А на стирку набралось столько, что справиться с ними за раз было попросту невозможно.

Чтобы дело сдвинулось с мертвой точки, я настрогала мыла в чугунок, залила водой и поставила выварку с первой партией. Рядом примостила кастрюльку, в которой решила приготовить картошку и яйца на ужин. Готовить что-то серьезное сейчас не было ни времени, ни сил.

– Мэтти, иди сюда, – позвала я сына, когда их с Итаном комната, наконец, стала выглядеть пристойно. – Вот тебе таз с водой и тряпка, протри от пыли вещи из этой коробки и занеси их обратно.

То, что, по моему мнению, могло остаться, занимало совсем мало места, зато не походило на экспонаты с помойки.

Мальчик засиял, получив конкретное задание. Видимо, он обожал возиться с мелочами, перебирать их своими маленькими пальчиками и аккуратно расставлять по местам, словно создавая собственный крошечный мир.

Увлечшись разбором завалов, я не заметила, как пролетело время. Кипящая в чугунке вода грозила вот-вот выплеснуться наружу, и я вовремя успела отодвинуть его с огня. Схватив рукавицы, вынесла горячую жидкость во двор и вылила со всем содержимым в большое корыто. Долила туда немного холодной воды, чтобы можно было сразу приступить к стирке, а не ждать, пока остынет. Запах хозяйственного мыла ударил в нос, и я поморщилась. Стирка – это всегда утомительное и неприятное занятие, но сейчас без нее было никак не обойтись.

Когда я выполоסקала последнюю заплатанную рубаху, солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в багряные и золотые оттенки. Выжав ткань досуха, повесила на веревку вместе с остальным бельем. Ветер трепал постиранные вещи, наполняя их свежим ароматом чистоты. На душе стало немного легче. Какая-никакая, а работа была сделана.

Хотя чего это я?

Работа проведена колоссальная! Весь нижний этаж теперь отмыт и освобожден от гнетущего хлама, часть вещей уже завтра будет чистой и готовой к использованию, а за этажеркой в прихожей надежно укрыто оружие на случай незваных гостей. Мальчики, занятые делом, немного отвлеклись от тяжелых мыслей и перестали заикливаться на плохом, что тоже было немаловажно.

В доме стало легче дышать – не только физически, но и морально.

– Итан, Мэтти! – крикнула я в направлении крыльца, чувствуя, как усталость растекается по каждой конечности моего тела.

Первым показался младший, в полной готовности выполнить следующее поручение. А вот его брат был заметно уставшим. Он сходил сегодня к колодцу немереное количество раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.